

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

М.В. Попов

ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

*Утверждено Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебно-методического пособия*

Магнитогорск
2015

УДК 94(3):378.147
ББК ТЗ(0)2я73

Рецензенты:

Кандидат исторических наук,
учитель истории МАОУ «Академический лицей»
Н.Н. Макарова

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории,
ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
А.Е. Любецкий

Составитель: Попов М.В.

История первобытного общества [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие / Максим Васильевич Попов ; ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (0,73 Мб). – Магнитогорск : ФГБОУ ВПО «МГТУ», 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, любой, более 1 GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS Windows XP и выше ; Adobe Reader 8.0 и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ; мышь. – Загл. с титул. экрана.

В учебно-методическом пособии представлен материал для практических заданий по курсу «История первобытного общества», содержатся глоссарий, тестовые задания, требования к курсовой работе. Представленное пособие позволяет изучить курс «История первобытного общества» и применять на практике полученные знания при подготовке к лекционным, практическим занятиям.

Материал адаптирован и предназначен для студентов вуза, обучающихся по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (профиль - история) и направлению подготовки 050100.62 Педагогическое образование (профили история и право) всех форм обучения.

УДК 94(3):378.147
ББК ТЗ(0)2я73

© Попов М.В., 2015
© ФГБОУ ВПО «Магнитогорский
государственный технический
университет им. Г.И. Носова», 2015

Содержание

1. МАТЕРИАЛЫ К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ	4
1.1. Задание 1	4
1.2. Задание 2	16
1.3. Задание 3	30
1.4. Задание 4	45
2. ГЛОССАРИЙ	59
3. ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ	65
3.1. Задание 1	65
3.2. Задание 2	67
3.3. Задание 3	69
3.4. Задание 4	71
КУРСОВАЯ РАБОТА: ТРЕБОВАНИЯ И ТЕМАТИКА	73
СПИСОК УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	76

1. МАТЕРИАЛЫ К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ

1.1. Задание 1 (к разделу История первобытного общества как историческая дисциплина)

Прочитайте следующие параграфы из учебника В. П. Алексеева и А. И. Першица «История первобытного общества», дайте письменный развернутый ответ на вопрос: по каким ключевым направлениям развивалась наука о первобытной истории и какие важные достижения, и открытия были сделаны исследователями на протяжении XX века.

Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 2007 г. ст.: 69-87.

Развитие первобытной археологии и палеоантропологии в XX в.

Нетрудно заметить, что на протяжении XIX столетия было исключительно много сделано в области реконструкции социальных норм первобытного общества с помощью разнообразного сопоставления и анализа этнологических данных. Сравнительно-типологический метод продемонстрировал при этом все свои сильные стороны, но и показал свою органическую слабость отсутствие хронологической ретроспективы. Эта слабость могла бы быть откорректирована с помощью сравнительно-исторического метода, но как раз для его применения и не было накоплено достаточно фактических оснований: таким основанием являются результаты археологических исследований, а они, как мы убедились, были более чем скромны на протяжении XIX в. От успехов археологии зависят и палеоантропологические открытия, также немногочисленные и фрагментарные в то время. Кроме того, прогресс изучения, скажем, каменного века тесно связан с уточнением палеогеографической обстановки, в которой жили древнейшие люди, а это, в свою очередь, требует развития четвертичной геологии, палеонтологии и палеоботаники четвертичного периода, палеоклиматологии, одним словом, интенсификации исследовательской работы по всему комплексу естественнонаучных дисциплин, на основе которых производится палеогеографическая реконструкция. По сути дела, переход от XIX столетия к XX и состоял в стремлении расширить базу фактов, опираясь на которые, можно было бы судить о первобытном прошлом не умозрительно, а конкретно-исторически.

После того как стало очевидным, что первобытные люди широко использовали пещеры как места обитания, начался интенсивный поиск пещерных стоянок палеолитических людей в Европе, и особенно во Франции, где они действительно были обнаружены в большом количестве и где в них были найдены не только погребения, но и огромный по разнообразию и количеству каменный материал, предметы из кости, образцы искусства. Все это значительно расширяло исследовательский кругозор и позволяло с помощью археологических материалов подойти к рассмотрению таких конкретных вопросов, о которых археологи и историки первобытного общества в прошлом веке не могли и мечтать. Симптоматичен в этом отношении труд испанского археолога Гуго Обермайера «Доисторический человек», вышедший в 1907 г. и переведенный затем на основные европейские языки, в том числе и на русский. Обермайер обобщил и критически проанализировал все находившиеся в распоряжении науки данные по археологии и палеоантропологии палеолитического и мезолитического времени, и из его книги видно, как уже много накопилось этих данных в итоге раскопок, проводившихся во многих европейских странах, как разнообразны формы культуры, оставленные древними людьми, и какого высокого технологического и культурного уровня достигло развитие человечества уже к концу палеолитической эпохи. Возможно, книга Обермайера и была переведена на разные языки не только потому, что она была полной сводкой информации для своего времени, но и

демонстрировала внушительные успехи доисторической археологии. Вместе с Обермайером кроме ряда более мелких фигур работал упомянутый выше Брейль, посвятивший основные свои усилия изучению наскальной живописи и мелкой костяной пластики эпохи палеолита и значительно расширивший наши знания в этой области.

Не отставали от накопления знаний о палеолите и исследования эпохи неолита и ее значения в истории человечества. В отличие от довольно монотонных памятников эпохи палеолита, которые говорили о более или менее однородной технике обработки камня палеолитическими людьми, неолитические памятники разных территорий демонстрировали с самого начала поражающее разнообразие культурных традиций, выражавшееся и в типе жилых строений, и в характере поселений, и в формах хозяйственного и бытового инвентаря. Стало очевидно, что неолитический человек изобрел керамику и приручил мелкий рогатый скот, овладел навыками земледелия. Все это знаменовало большой прогресс в развитии производительных сил, и само разнообразие неолитических памятников позволяло истолковывать его как свидетельство того, что первобытное человечество поднялось на тот уровень технологического и духовного прогресса, на котором культурные изменения приобрели многолинейный характер. В описании общего прогресса археологического знания нет нужды останавливаться на первых очень несовершенных попытках интерпретировать те или иные выделенные неолитические культуры в этническом плане, на желании увидеть в носителях этих культур, скажем, древних германцев или древних семитов; мы будем говорить лишь о крупных достижениях, оставшихся в истории науки. К их числу относится концепция неолитической революции, сформулированная в конце 1930-х годов английским археологом Гордоном Чайлдом. Крупные его работы, посвященные описанию неолитических памятников разных районов, стали появляться еще с конца 20-х годов, но Чайлд опирался не только на них, он обобщил огромный материал, собранный его предшественниками и современниками. Неолитическая революция рассматривалась им как первый значительный скачок в развитии производительных сил общества, при котором произошло оснащение человечества многими технологическими достижениями и который повлиял на все стороны жизни неолитических популяций, включая рост их численности и духовный прогресс. Эта концепция получила практически повсеместное распространение, обсуждалась и развивалась почти всеми крупными специалистами в области археологии неолита и до сих пор сохраняет значение действенной системы взглядов, тем более что она получила многостороннее подтверждение в предшествующих исследованиях.

В ходе археологических раскопок были открыты погребения не только неандертальского человека, но и верхнепалеолитических людей. Естественно, их костные остатки привлекли внимание палеоантропологов, опубликовавших большое число работ с описанием отдельных форм, а также ряд сравнительно-морфологических исследований. В итоге чисто фактическая информация возросла примерно в 3—4 раза по сравнению с концом XIX в. Но не менее важны, чем рост фактических знаний, были кардинальные события, перестраивавшие саму науку об ископаемом человеке, расширявшие ее границы и открывавшие перед ней новые горизонты в первой трети XX в. К числу таких событий следует отнести открытие первых остатков австралопитеков в Южной Африке в 1924 г., открытие костных остатков синантропов в Китае в 1927 г., морфологическую дефиницию человека неандертальского вида в первом десятилетии века и обоснование неандертальской фазы в эволюции современного человека в 1927 г. Первым хронологически из этих событий было обоснование морфологически четких отличий неандертальского человека от современного и выделение неандертальского вида в составе древних людей. Оно связано в первую очередь с серией исследований немецкого анатома и морфолога Густава Швальбе, который провел тщательное сравнение вариаций неандертальского черепа из Неандертала близ Дюссельдорфа, найденного в 1856 г. и упомянутого выше, с аналогичными вариациями черепа современного человека, показал их типологический характер и предложил в 1907 г. в

качестве видового наименования называть неандертальского человека человеком примитивным. Сначала оба эти видовые наименования фигурировали в литературе как более или менее равноправные, но затем первое из них победило и теперь может считаться общепринятым. Во вторую очередь обоснование морфологической специфики неандертальского вида обязано своим утверждением французскому палеонтологу и антропологу Марселену Булю, опубликовавшему в 1912 г. тщательное описание наиболее полно сохранившегося скелета из пещеры Буффия близ местечка Шапелль-о-Сен во Франции. Таким образом, после этих работ морфологическое своеобразие неандертальского человека не только стало полностью доказанным научным фактом, но и получило таксономическое обозначение, неандерталец с полным правом вошел в число других палеонтологических видов вымерших млекопитающих.

Историческая судьба и генетические формы неандертальского человека оставались тем не менее предметом дискуссии. Морфологические отличия его от современного человека были несомненно значительны, и на этом основании складывалось впечатление, что неандерталец не мог быть предковым видом по отношению к современному человеку, неандертальские популяции составляли основное население Европы в эпоху среднего палеолита — в эпоху мусть-ерской культуры, а современный человек появился в Европе позже, в эпоху верхнего палеолита, откуда-то с Востока, из Азии, и преемственно не связан с неандертальцем. Подобная концепция прошла через многие работы и оставалась живучей до конца 30-х годов, хотя в 1927 г. американский антрополог Алеш Хрдличка сформулировал иной подход, более точно отражающий реальное состояние дел. Этот подход им самим был назван гипотезой неандертальской фазы в эволюции современного человека и опирался на хронологические, географические и морфологические соображения.

Хронологически все неандертальские находки древнее современных, распространены они очень широко (кстати сказать, последующие открытия распространили их по всем материкам Старого Света), морфологически между неандертальцем и современным человеком есть ряд переходных форм. Таким образом, Хрдличка утверждал непрерывную преемственность в эволюции современного человека, и его взгляды объективно смыкались с представлениями о непрерывном и прогрессивном развитии человеческой культуры. Однако нужно сказать, что и противоположные взгляды, хотя и в модифицированной форме, оказались живучи и продолжают защищаться до сих пор в виде гипотезы пресапиенса, в соответствии с которой современный человек ведет свое начало в самой Европе от каких-то синхронных с неандертальцами форм, морфологически более прогрессивных.

Упомянутые выше находки также сыграли принципиальную роль в истории изучения ископаемого человека, так как одна из них раздвинула хронологические границы антропогенеза, а другая показала широкое распространение морфологически более примитивных, чем неандертальцы, форм по ойкумене. Детский череп, найденный в Тонгсе в Южной Африке в 1924 г. и описанный англичанином Раймондом Дартом, показал, что до питекантропа существовали еще более примитивные переходные формы, уже более продвинутые в эволюционном отношении, чем человекообразные обезьяны, но еще не достигшие уровня развития питекантропов. В 30-е годы открытие костных остатков представителей этой группы было продолжено, они получили наименование австралопитеков и заняли место первой морфологической ступени в процессе перестройки морфологии обезьяньих предков человека в морфологию современных людей. Остатки синантропов, описанные сначала английским палеонтологом Давидсоном Блэком, а затем более полно немецким анатомом Францем Вайденрайхом, в силу своей многочисленности дали возможность гораздо более полно представить морфологию ископаемых людей стадии питекантропов (морфологически они несколько более прогрессивны, чем питекантропы Явы) и ставить многие вопросы эволюции древнейших людей: о продолжительности жизни,

болезнях, нашедших отражение в изменениях скелета, соотношении полов, детской смертности и т. д.

Развитие археологического и палеоантропологического знаний не могло не вызвать к жизни стремления к их обобщению и формулировке каких-то общих гипотез, которые охватывали бы динамику человека и его культуры в целом в рамках первобытности. На разных языках вышли книги, в задачи которых входило систематическое изложение информации об ископаемых людях, археологии палеолита, о неолитических памятниках и памятниках эпохи бронзы в Европе (сколько-нибудь систематическое описание этих памятников на других материках и сейчас не может считаться достаточным). Но практически ни одна из них не могла претендовать на полный охват разнообразного материала и освещение всех узловых проблем истории первобытного общества на базе археологических и палеоантропологических данных. Исключением составляла вышедшая в 1938 г. книга Петра Петровича Ефименко «Первобытное общество» (к сожалению, не переведенная на европейские языки и оставшаяся поэтому неизвестной зарубежному читателю), имевшая и достаточно внушительную фактическую оснащенность и теоретическую направленность на реконструкцию основных этапов развития первобытных человеческих коллективов. Ефименко довольно широко, хотя и выборочно, привлек этнологический материал, используя его под вполне определенным углом зрения — сопоставления этнологически описанных обществ с теми или иными этапами или стадиями в развитии первобытного общества.

Если говорить о концептуальной стороне дела, то в его книге нашла последовательное воплощение широко распространенная в те годы в советской литературе теория стадийного развития первобытного общества, в соответствии с которой оно прошло ряд стадий, на каждой из которых происходило последовательное усложнение социальной организации, имели место технологический прогресс и эволюция физического типа, в пределах каждой стадии совпадали этапы развития орудий труда и физической эволюции самого человека. Разумеется, в подобном подходе много было от традиционного эволюционизма, и особенно он отражался в жесткой привязке друг к другу культурных и биологических изменений в истории человечества. Стадии питекантропов соответствовала нижнепалеолитическая индустрия, шельль и ашель, стадии неандертальцев — среднепалеолитическая, поздний ашель и мустье, вместе с появлением человека современного типа появилась верхнепалеолитическая индустрия, возник родовой строй сначала в материнской, а затем в отцовской форме, возникло искусство. С переходом к неолиту появилось земледелие и скотоводство (собака, похоже, была приручена раньше, в конце верхнепалеолитического времени), была изобретена керамика. При этом не только молчаливо допускалось, но и специально подчеркивалось, что эта линия развития была единственной и всеобщей, через все эти этапы прошло без каких-либо исключений население разных районов земного шара.

Интересным теоретическим достижением тех лет была попытка философского осмысления процесса становления человеческого общества, в процессе которой было предложено рассматривать выделение человека из животного мира как скачок, перерыв постепенности, как образование нового качества на базе предшествующих количественных изменений. Другой скачок в соответствии с этой концепцией имел место при окончании процесса становления человека и общества, т. е. при появлении человека современного вида. Второй скачок был таким же перерывом постепенности в философском смысле слова, по своему масштабу значительно меньшим, чем предыдущий. Иными словами, в первом случае речь шла о становлении человеческой сущности в целом, в широком смысле слова, во втором — о становлении уже сложившейся человеческой сущности. Концепция эта была доведена до уровня конкретизации антропологом Яковом Яковлевичем Рогинским, который

неоднократно возвращался к ней, оттачивал формулировки и расширял базу ее фактической аргументации.

Общим для схемы Ефименко и ряда других стадиальных схем, предложенных и аргументированных преимущественно в советской литературе, было игнорирование исключительного локального многообразия исторического процесса, что имело право на существование еще даже и в первой трети нашего столетия из-за скудости фактических данных и неясности критериев, с помощью которых можно было отделить случайные вариации от локально-типологических. Но археологический материал постоянно накапливался, в орбиту внимания европейской науки входили памятники на Азиатском и Африканском материках, в процессе ознакомления с новыми данными все более становилось ясным, что локальное своеобразие в развитии человеческой культуры проявляло себя чуть ли не с самых ранних шагов ее становления. В качестве первой реакции на это, а также на первоначальные монотонные схемы стадиального развития можно назвать книгу американского археолога Халлама Мовиуса «Ранний человек и плейстоценовая стратиграфия в Южной и Восточной Азии», вышедшую в 1944 г. Он пытался показать различия в каменном инвентаре нижнепалеолитического времени на западе и на востоке Старого Света и полагал, что контакт этих двух относительно независимых ареалов имел место в Индии. Попытка Мовиуса не осталась без возражений, но вне зависимости от направленных против нее критических замечаний она на долгие годы предопределила направление научных поисков, так как именно после появления книги Мовиуса специалисты стали обращать внимание больше на различия, чем на сходство. Встал вопрос о времени появления и характере локальных различий в материальной культуре, в разработку которого большой вклад внесли русские археологи Сергей Николаевич Замятнин и Александр Александрович Формозов. Первый в 1951 г. выступил с критикой концепции Мовиуса, указав на ее слабые места и фактическую бездоказательность, хотя позже она и получила дополнительную фактическую поддержку. По мнению Замятнина, локальные различия в материальной культуре появляются лишь в верхнепалеолитическое время, и в это время можно выделить три громадные области в пределах первобытной ойкумены — приледниковую европейскую, средиземноморско-африканскую и сибирско-китайскую; эта схема также не встретила полной поддержки, но была несомненным шагом вперед в разработке проблемы. Формозов также аргументировал гипотезу, в соответствии с которой четкие локальные различия проявились лишь в эпоху верхнего палеолита, и разработал локальную типологию для территории европейской части бывшего СССР.

С проблемой времени и характера локальных различий в материальной культуре древнего человечества тесно связана проблема археологической культуры, которая стала осознаваться в 50-е годы и до сих пор разрабатывается особенно интенсивно в отечественной литературе. Ее разработка не связана с определенными именами, ее разрабатывал и продолжает разрабатывать большой круг исследователей, каждый из которых использует в подавляющей своей части собственные оригинальные материалы, но не раз делались попытки подведения итогов, которые пока оставляли неудовлетворенность и не привели к определенным результатам. Все же эти исследования подвинули вперед истолкование того феномена, который и лег в основу понятия археологической культуры, — феномена локального сочетания тех или иных вариаций в технологии обработки орудий, форме глиняной и деревянной посуды, мотивах орнамента и т. д. Само понятие таких локальных вариантов культуры возникло еще в 20-е годы в западноевропейской, особенно немецкой, литературе, но тогда эти варианты выделялись по одному какому-нибудь ведущему признаку, скажем, характеру орнамента на керамике или полировке камня в эпоху неолита, и выделение их поэтому не могло быть достаточно эффективным. Гораздо более операционным стало понятие сочетания культурных признаков, приуроченных территориально, что и является основным в выделении археологических культур. Их

рассматривали под самыми разнообразными углами зрения — социально-экономическим; культурно-историческим, подразумевая под этим реализацию традиций предшествующего развития; приспособительно-экологическим, имея в виду культурную адаптацию к определенным условиям географической среды; наконец, этническим, приписывая локальному сочетанию культурных особенностей принадлежность к какой-то родоплеменной или племенной группе, иногда даже союзу племен или зарождающейся народности. Все это теснейшим образом увязывает археологическое исследование с широким кругом смежных дисциплин, наталкивает на разработку многих теоретических и эмпирических проблем культурогенеза в целом и остается очень перспективным направлением исследовательской работы.

Рубеж 50—60-х годов обозначил начало того процесса, который во многом изменил наши представления о происхождении человека, а значит, и о начале становления первобытного общества. Речь идет о выдающихся открытиях ранних предков человека сначала в Африке, а затем и на других материках (особенно в Восточной Азии, в Китае), хронологически отстоящих от современности на значительно больший отрезок времени, чем ранние австралопитеки, и обозначающих гораздо более ранние фазы человеческой эволюции. Наибольшее число новых находок, которые продолжают входить в науку до сих пор, происходит из Восточной Африки — Танзании, Кении, Эфиопии, где параллельно с обнаружением и описанием находок проводится колоссальная работа по изучению поздней геологии Африканского материка, условий, геологических и палеогеографических, разных местонахождений, динамики климата и других природных факторов. Вместе с обнаружением костных остатков новых форм, чему мы обязаны в основном англичанам Луису и Мэри Лики и их сыну Ричарду Лики, были найдены и древнейшие следы человеческой деятельности — остатки конструкций, которые интерпретируются сейчас многими археологами как первичные жилища, и, что еще более важно, каменная индустрия, получившая по месту основного местонахождения наименование олдувейской и представляющая собою наиболее примитивный и первый этап обработки камня. Все эти новейшие достижения не только значительно удревели историю эволюции самого человека, но и удревели историю его производственной деятельности, показав, что становление человеческого общества уходит во много более глубокую древность, чем предполагалось до тех пор. А все это в целом, по мнению ученых, раздвинуло хронологические границы человеческой истории, на один-два миллиона лет. В то же время изучение морфологии древнейших ископаемых предков человека показало, как шла эволюция на самой ранней стадии человеческой истории, и конкретизировало самый ранний этап перехода от обезьяньих предков человека к первым людям.

Примерно в то же время началось интенсивное археологическое обследование древнейших человеческих поселений в Передней Азии и долине Нила, которое пролило новый свет на проблему возникновения производящего хозяйства. Скотоводство традиционно рассматривалось как более ранняя стадия, чем земледелие, раскопки показали, что эта традиционная точка зрения не соответствует действительности и что на первых порах переход к производящей экономике осуществляется в форме перехода к земледелию со стойловым содержанием небольшого числа прирученных животных. Но еще более разительным оказался возраст производящей экономики: древнейшие находки окультуренных растений и одомашненных животных относятся к IX—X тысячелетиям до н. э. т. е. практически к самому концу верхнепалеолитического времени и началу мезолита. Очаги возникновения производящего хозяйства в Средиземноморье и Средней Азии развились, как это также выяснилось в процессе конкретных раскопок, под влиянием переднеазиатских импульсов, но в бассейне рек Хуанхэ и Янцзы, а также в Юго-Восточной Азии складывались самостоятельные центры перехода к производящей экономике. Исследование сортового богатства современных культурных растений и многообразия пород

домашних животных, осуществленное во многих странах, а у нас производившееся Николаем Ивановичем Вавиловым и коллективом его сотрудников и последователей, позволило вскрыть генетические корни культурной флоры и фауны и реконструировать, в пределах каких конкретно территорий те или иные растения и животные были введены в культуру. А это, в свою очередь, привело к возможности восстановить, какой набор видов использовался в хозяйстве тех или иных коллективов, как и в какой последовательности осуществлялись севообороты, т. е. каковы были системы земледелия и землепользования, в какой мере использовалось искусственное орошение и каковы были его формы, наконец, как осуществлялся выпас скота. На основе этих данных все большее место в современной археологической литературе занимают разнообразные расчеты освоенных хозяйственных площадей, урожаев, доступных древним коллективам объемов пищевых продуктов, вообще моделирование хозяйственной деятельности. Некоторые археологи называют это направление исследований палеоэкономикой, но вне зависимости от названия речь, действительно, идет об очень глубоком проникновении в формы хозяйственной деятельности, чего мы были лишены еще два-три десятилетия тому назад.

В современной археологии в разных странах возникли различные научные течения — аналитическая археология, этноархеология и т. д., но они имеют малое отношение к реконструкции истории первобытного общества. Гораздо более важно сейчас упомянуть о тех конкретных исследованиях, которые помогают нам понять многообразие форм технического прогресса до образования классов и появления государства. В Передней Азии были открыты заведомо неолитические памятники, но без керамики, т. е. бескерамический неолит. Его примерная датировка — VIII — VII тысячелетия до н. э. В то же время на Японских островах керамика происходит из слоев, относящихся к X тысячелетию до н. э. Геологами-четвертичниками и палеогеографами было много сделано для восстановления очертаний материков и существовавших между ними сухопутных мостов, наличие которых во многом помогает восстановить картину расселения древнейшего человечества из Старого Света. Так были восстановлены основные события заселения Америки из Азии через древнюю Берингию, заселения Австралии, Новой Гвинеи и Тасмании из Юго-Восточной Азии по системе мостов, связывавших Большие Зондские острова. Наконец, громадной важности событием стало применение в 50-е годы геофизических методов в археологии, что в последующем дало возможность получить абсолютные даты для всех отрезков первобытной истории.

Историко-этнологическая реконструкция первобытного прошлого в XX в.

Этнологическая наука развивалась в XX в. не менее интенсивно, чем первобытная археология и палеоантропология. В дополнение к тому, что уже знала наука XIX в., был собран и частично интерпретирован громадный запас новых фактов об обществах, которые в силу своей изолированности не подвергались ранее изучению. В процессе сбора этих фактов значительному усовершенствованию подверглась методика полевого этнологического исследования: была осознана роль наблюдателя и его влияние на информатора, с помощью разработки адекватных вопросников сделана успешная попытка преодоления этого влияния, собираемые данные стали много точнее, что позволило отказаться от многих скороспелых суждений предшествующей эпохи: подобные суждения отражали часто недопонимание исследователей и информаторов, проистекавшее, в частности, и за счет незнания аборигенных языков. В то же время в XX в. знание местных языков было осознано как необходимый элемент любой научной полевой этнологической работы. Таким образом, реконструкция даже тех явлений, которые были описаны раньше, базировалась на гораздо более полном фактическом фундаменте и поэтому была более точна и объективна.

Преодолевая эволюционизм этнологов XIX и начала XX столетия, этнологическая наука создала значительное число новых подходов и теоретических концепций, сторонники

которых группировались в так называемые школы, которых было несколько в истории этнологии: диффузионистская (англичане Уильям Риверс и Графтон Эллиот-Смит, немец Фридрих Ратцель), школа культурных кругов (Фриц Гребнер, Вильгельм Шмидт), функциональная (англичанин Альфред Радклифф-Браун, работавший в Англии поляк Бронислав Малиновский), культурно-историческая (работавший в США немецкий ученый Франц Боас и его многочисленные ученики), социологическая (французские ученые Эмиль Дюркгейм, Марсель Мосс, Люсьен Леви-Брюль) и ряд других. Нет нужды здесь на них останавливаться, так как они принадлежат истории этнологии, а не истории первобытного общества, хотя в трудах представителей этих школ разбросаны ценные соображения и замечания, касающиеся динамики и происхождения многих общественных институтов. Гораздо интереснее рассмотреть те достижения этнологической науки, которых она добилась при изучении отдельных конкретных проблем истории первобытного общества.

Первой из таких проблем являлась проблема начальных форм половых отношений, установленных еще исследователями XIX в. На основании истолкования одной из систем родства можно было предположить, что ими были беспорядочные половые общения, получившие наименование промискуитета. Бахофен постулировал эту форму половых общений, даже не касаясь вопроса о системах родства, а исходя из общих соображений, и назвал ее гетеризмом — термином, который, однако, не привился в литературе в противовес промискуитету. Этнологическая литература при реконструкции самых ранних ступеней развития брачных отношений на протяжении многих десятилетий исходила из гипотезы промискуитета. Обстоятельной критике этой гипотезы с доказательным разбором всех случаев ее несоответствия конкретным этнологическим данным мы обязаны Александру Михайловичу Золотареву, выступившему в 30-е годы. Как полевой этнолог он работал среди народов Амура, но параллельно с полевой работой много занимался теоретическими проблемами, привлекая этнологические данные о самых разнообразных народах. Именно это широкое сопоставление систем родства у разных народов и позволило ему обосновать негативный вывод в отношении существования промискуитета как отправной точки в развитии семейно-брачных отношений. В связи с этнологическим изучением приматов, особенно высших, начавшимся с применением новой техники и новых методических подходов в 60-е годы, этот вывод получил подтверждение с неожиданной стороны. Речь идет о достаточно четко выраженном у обезьян избегании половых связей между ближайшими кровными родственниками. Если отсутствие или редкие случаи полового общения между сыном и матерью можно объяснить их принадлежностью к разным поколениям, то аналогично редкие связи разных братьев и сестер не поддаются подобному объяснению, нужно думать в данном случае о каком-то другом поведенческом механизме. Так или иначе эти приматологические наблюдения укрепляют нас в правоте отрицания существования промискуитета на заре человеческой истории.

Несомненной демонстрацией интерпретационной эффективности этнологического и сравнительно-культурологического подхода стало объяснение археологически установленного феномена, характерного для верхнего палеолита. Сначала в европейских, а затем в азиатских верхнепалеолитических памятниках были обнаружены реалистически выполненные женские статуэтки из камня и кости, отличающиеся одна от другой многими особенностями, но имеющие в большинстве своем одну общую черту — гипертрофированное выражение вторичных половых признаков. Для объяснения этого интересного, но странного явления были предложены разные гипотезы, вплоть до предположения о том, что верхнепалеолитические люди фиксировали в этих статуэтках изредка встречавшиеся конституциональные отклонения, обязанные своим происхождением эндокринным нарушениям. Подобному объяснению противоречит, однако, то обстоятельство, что в скульптуре представлены поголовно женские изображения, тогда как эндокринные нарушения, во всяком случае подавляющая их часть, встречаются с более или

менее одинаковой частотой у мужчин и женщин. Гораздо более рационально опирающееся на этнологические аналогии представление, согласно которому в статуэтках воплощены образы матерей — прародительниц и хранительниц очага, что имело первостепенное значение для родовой общины и в какой-то мере цементировало ее вокруг мифологических символов, а может быть, даже и вокруг каких-то божеств конкретного пантеона. Разработка этой концепции связана с именами археологов — упоминавшегося выше Ефименко и Павла Иосифовича Борисковского, этнолога Сергея Александровича Токарева, она пользуется широким распространением у нас и разделяется также многими зарубежными специалистами.

Пожалуй, в своих идейных истоках в какой-то мере совпадает с этой концепцией теория производственного происхождения экзогамии и дуальной организации, разработанная Сергеем Павловичем Толстовым: появление статуэток, объяснялось конкретными социально-общественными мотивами, Толстов исходил из производственных отношений, производственной необходимости исключения внутригрупповых половых связей из жизни первобытных коллективов, так как они мешали производственным процессам. До сих пор не вполне ясно, в каком хронологическом соотношении находятся друг с другом экзогамия и дуальная организация — предшествовало ли возникновение экзогамии образованию дуальной организации, но Золотарев продемонстрировал широчайшее распространение дуальной организации в разных обществах и на разных этапах истории первобытного общества. Книга Золотарева «Родовой строй и первобытная мифология» была написана в конце 30-х годов, хотя появилась в свет лишь в 1964 г., поэтому его можно считать не только крупной фигурой в монографическом изучении дуально-родовых отношений, в которых он выявил сложные структуры, например подразделение дуальных половин в свою очередь на дуальные части, но и пионером исследования бинарных оппозиций в знаковых системах первобытности, описание и интерпретация которых занимает столь значительное место в современной литературе о первобытном обществе.

Немалый отзвук в первобытной истории имели этнологические разработки, связанные с материальным субстратом современных этнических коллективов и его типологизацией, т. е. с типологией тех общностей, которые могут быть выделены по этнологическим данным. Ученик Боаса Кларк Уисслер в начале 20-х годов аргументировал представление о культурных ареалах, внутри которых концентрировались, по его мнению, комбинации культурных особенностей, сравнимые по своему внутреннему смыслу с теми культурными комплексами, на основании которых позже выделялись археологические культуры. Сравнивая культурные ареалы в древности с современными, Уисслер показал их несовпадение и впервые поставил этим вопрос о границах этнической интерпретации древних культурных ареалов, а также их динамики во времени. Следующим этапом было выделение культурных ареалов двух типов — соответствующих так называемым хозяйственно-культурным типам и историко-этнологическим областям. Это выделение было произведено русскими антропологами и этнологами Максимом Григорьевичем Левиным и Николаем Николаевичем Чебоксаровым в 1946 г., хотя в выделении хозяйственно-культурных типов они шли по стопам Толстова, предложившего это понятие на 17 лет раньше. Под понятием хозяйственно-культурного типа было предложено подразумевать такое сходство явлений материальной и частично духовной культуры в пределах культурного ареала, которое обязано своим происхождением влиянию сходных географических условий и имеет общее происхождение, историко-этнологические области — это области, внутри которых сходство является результатом общности исторической судьбы. Несмотря на малую доказательность влияния природных условий на формирование даже материальной культуры, не говоря уже о духовной, и неопределенность понятия общности исторической судьбы, деление на хозяйственно-культурные типы и историко-

этнологические области привилось в отечественной этнологической литературе, обросло дополнительными разработками, в которых немалое место заняли ретроспективные исследования о динамике хозяйственно-культурных типов во времени. Именно это направление исследовательской работы в наибольшей мере повлияло на первобытную историю, так как оно было связано с изучением ранних форм хозяйственно-культурных типов, например, охотников-собирателей и рыболовов или мотыжных земледельцев.

Этнология в своем развитии выделила три субдисциплины — экономическую, потестарнополитическую и юридическую этнологию, в Западной Европе и США называемые экономической антропологией, политической антропологией и этнологией права. Началом экономической антропологии считается традиционно 1925 год, когда появился «Этюд о даре» Мосса, в котором сделана попытка рассмотреть экономические отношения в первобытном обществе в рамках обмена, например, обычая потлача у северо-западных индейцев Канады и частично США. Позже реконструкция экономических отношений привлекла многих исследователей, в том числе и отечественных (Юрий Иванович Семенов), но здесь еще остается много неясного и требующего дальнейшей работы. Рождение политической антропологии многие историографы связывают с деятельностью Редклифф-Брауна, но это вряд ли справедливо: и он, и Малиновский уделяли большое внимание изучению политических структур и отношений власти, но для них все же оно не было основным. Описание политической системы и отношений власти составляет основное содержание книги англичанина Эдуарда Эванс-Притчарда о нуэрах, вышедшей в 1940 г. Собственно с этой книги и началась серия исследований об институтах власти, в том числе и политической, опубликованных на протяжении последних десятилетий XX в. В них показано многообразие этих институтов и выявлено отношение к ним возрастных классов.

Монография

Льва Евгеньевича Куббеля «Очерки потестарнополитической этнографии» обобщает накопленную в этой области информацию и выдвигает ряд новых точек зрения. Работа в области этнологии права с конца XIX в. за рубежом ведется почти непрерывно. У нас она также имеет глубокие корни, в особенности в книгах Максима Максимовича Ковалевского и его учеников. В 1920-х годах, после работ Марка Осиповича Косвена, она почти прервалась и возобновилась только в последнее десятилетие усилиями Абрама Исаковича Першица, Анатолия Борисовича Венгерова, Юрия Ивановича Семенова и др. Выдвинутое Першицем понятие «первобытной монономы» как индискретного соединения права, морали и других поведенческих норм получило широкое признание в правоведении пашей страны.

Остается сказать о последней сфере этнологии, разработка которой сыграла важную роль в реконструкции истории первобытного общества, — сфере изучения общественного сознания. Нужно сразу же подчеркнуть, что этой сферой не занимались специально только этнологи, она являлась всегда также областью приложения исследовательских усилий социологов, философов и искусствоведов. После работ Леви-Брюля о первобытном мышлении, которые выходили в 20—40-е годы и в которых была предпринята попытка показать алогический характер первобытного мышления и господство в нем коллективных представлений, организованных не по принципу логических переходов, а по системе так называемого сопричастия, наибольшую известность приобрели в этой теме многочисленные работы Клода Леви-Стросса, одного из наиболее последовательных французских сторонников структурализма. На заре своей научной карьеры Леви-Стросс работал в Океании, собирая полевые этнологические материалы, но дальнейшая его работа носила в основном кабинетный характер. Им предложена общая структурная схема первобытного мышления, различные комплексы культурных особенностей возникают как инварианты в этой схеме, большое место занимают в ней бинарные оппозиции. Сама схема достаточно далеко оторвана от материальной базы общества, но все же с ее помощью Леви-Строссу

удалось довольно удачно изучить возникновение ряда надстроечных явлений, чем и объясняется успех его работ.

Говоря об общественном сознании эпохи первобытности, нельзя обойти молчанием и то направление исследований, целью которого является выяснение уровня развития положительных знаний в разных первобытных коллективах. Очень много исследований посвящено описанию производственных навыков — земледельческих и скотоводческих, соответствующей терминологии и ее социальным функциям, земледельческому календарю, системам счета. Ретроспективное проецирование этих данных осуществляется с помощью археологии, которая сама приносит большую информацию: речь идет о счете в палеолите, для восстановления его служат замкнутые совокупности повторяющихся элементов орнамента. В изучении этого материала и открытки его счетных свойств особенно значительна роль американского ученого Александра Маршака и отечественного исследователя Бориса Алексеевича Фролова.

В заключение нельзя не указать о той совокупности данных, которые доставляются не этнологией, а палеолингвистикой, но которые, как и палеоэтнология, способствуют реконструкции первобытной ситуации, в данном случае языковой. Палеолингвистика в лице компаративистики, т.е. восстановления древних праязыковых состояний на основании сравнения, структурного, лексического и фонетического, языков разных систем, сделала громадные успехи на протяжении XX в. Сначала индоевропейская компаративистика была разработана до такого уровня, что он позволил получить систему индоевропейского праязыка и его диалектов, а также заглянуть в картину их прежнего расселения и предложить правдоподобные гипотезы прародины индоевропейцев — громадная научная задача, подступ к которой обозначился в конце 20-х годов, но которая продолжает обогащаться побочными результатами до сих пор. Сама проблема ареального распространения системы диалектов индоевропейского праязыка была сформулирована французским лингвистом Антуаном Мейе, и его можно считать предтечей и даже родоначальником современного этапа в развитии индоевропейской лингвистической теории. Уже эта область языкознания, реконструктивная работа внутри которой уходит хронологически до IV тысячелетия до н.э. ярко продемонстрировала этногенетические возможности лингвистических данных, исключительно важных при всех историко-этнологических сопоставлениях. Несколько прежде, чем индоевропейское языкознание, развивалось сравнительно-историческое изучение других языковых семей, также достигшее впечатляющих успехов. В итоге на базе палеолингвистических реконструкций, корректируемых лингвистическим исследованием древних письменных памятников, мы получили к настоящему времени достаточно правдоподобную картину распространения языков разных языковых семей в пределах Старого Света в III—IV тысячелетиях до н. э. К сожалению, африканское языкознание, как и сравнительно-лингвистическое изучение языков коренного населения Африки, развито гораздо менее значительно, многие возможности, связанные с языками американских индейцев, безвозвратно потеряны, и в этих сферах сравнительно-исторического языкознания трудно ожидать безоговорочных успехов.

Совершенно естественно, что исследовательская мысль не могла ограничиться хронологическим рубежом на 6 тыс. лет от современности и стремилась постоянно проникнуть в более глубокое языковое прошлое. Такую попытку, малообоснованную фактически, но смелую по замыслу и идейно целеустремленную, предпринял русский востоковед, лингвист и филолог Николай Яковлевич Марр в конце 20-х — начале 30-х годов. В соответствии с гипотезой Марра, все языки мира развились из четырех звуковых элементов, на основе которых позже в ходе исторического развития образовалось все лексическое и фонетическое многообразие современного этапа языкознания. Эта гипотеза развивалась его учениками и последователями до начала 50-х годов. Гипотеза Марра производит странное впечатление, многие современные лингвисты называют ее даже,

очевидно, не без оснований, фантастической, но она представляла собою стремление прорыва в неизвестность, фантазия, действительно, восполняла в ней недостаток фактов. Гипотеза призывала к дальнейшему поиску и отказу от привычных представлений. Сродни Марру по своим установкам был американский лингвист Морис Сводеш, также исходивший из единства глоттогонического процесса и на этом основании постулировавший родство далеких структурно и географически языков, например атапаскского на западе Северной Америки и уральских в Западной и Южной Сибири. Ему же принадлежит и система первой языковой хронологии, опирающаяся на лексикостатистику, т. е. на подсчет сходных слов базового словаря. После 60-х годов, на которые приходятся основные достижения Сводеша, его работы были подвергнуты критике и лишь частично принимаются современной лингвистикой, но они, безусловно, были пионерскими и открыли новые горизонты в палеолингвистических реконструкциях.

Остается упомянуть о современном состоянии этих реконструкций. Оно во многом обязано работам советского лингвиста Владислава Марковича Иллича-Свитыча конца 60-х — начала 70-х годов, продолженным его последователями. Он вскрыл общие и хронологически очень глубокие корни индоевропейских, семитских, картвельских, алтайских и уральских языков и постулировал на этом основании существование в древности огромной по объему макросемьи, которую он назвал ностратической, используя для этого термин, предложенный еще в начале 20-х годов. Его последователи, опираясь на реалии, отраженные в ностратической лексике, относят существование самой макросемьи к эпохе мезолита и даже верхнего палеолита. Хотя работы этого направления подвергаются критике, они успешно развиваются и, в частности, делаются попытки обосновать параллельно с существованием ностратической макросемьи других макросемей не менее широкого территориального охвата, например макросемьи, охватывающей северокавказские языки, кетский в Сибири и синотибетские языки и диалекты в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. В какой мере оправданы эти попытки, должно показать будущее.

1.2. Задание 2 (к разделу Введение в антропогенез)

Задание: прочитайте следующую главу монографии А. Маркова «Эволюция человека. I. Обезьяны, кости, гены», составьте план-конспект.

От эректусов к сапиенсам // Марков А. Эволюция человека. I. Обезьяны, кости, гены. М., 2011 г., стр.: 201-245.

Эректусы осваивают мир.

В течение второго миллионелетия до н. э. эректусы постепенно расселялись по просторам Евразии, неся с собой древнейшую технологию обработки камня — олдувайскую. Технические усовершенствования если и появлялись кое-где за пределами Африки, то редко и незначительные. Археологи полагают, что евразийские популяции эректусов были немногочисленны и сильно разобщены, хотя эпизодические встречи и обмен генами между ними, возможно, все-таки происходили, так что в масштабе сотен тысячелетий могла поддерживаться относительная генетическая общность человечества. Но разобщенность была достаточной для того, чтобы эректусы смогли подразделиться на несколько географических рас (что они, возможно, и сделали).

В Африке плотность населения и разнообразие гоминид были куда выше, чем в Евразии. Здесь еще долго бок о бок с эректусами жили хабилисы и парантропы (и вовсе не факт, что представители некоторых популяций, относимых к разным видам, не могли иногда друг с другом скрещиваться), да и самих эректусов было больше. В такой разнообразной и насыщенной среде эволюция шла быстрее. Вероятно, сказывались и более острая конкуренция — стимул для эволюционной “гонки вооружений”, и возможности для культурного обмена. Проявилось это прежде всего в развитии каменных технологий.

Олдувайская технология основана на производстве острых отщепов случайной формы, которые используются в качестве орудий, тогда как остающиеся “ядра” (нуклеусы), как правило, представляют собой производственные отходы. Около 1,7 млн лет назад в Африке появляются первые орудия нового, ашельского типа, изготовление которых требовало куда большего мастерства. Это событие приблизительно совпадает во времени с периодом быстрого увеличения мозга у эректусов, так что причинная связь между двумя событиями кажется вполне вероятной. Правда, что здесь было причиной, а что следствием, сказать трудно: можно привести доводы в пользу обеих точек зрения, но все — чисто умозрительные. Главное отличие ашельских орудий состоит в том, что им целенаправленно придавали определенную форму. Основным изделием стал нуклеус, причем его заостряли по периметру, так что получалось обоюдоострое ручное рубило, или бифас. Иногда рубила делались не из природного куска камня, а из предварительно отколотых кремневых отщепов.

Вопрос о том, насколько резким или постепенным был переход от олдувая к ашелю, остается спорным. С одной стороны, известен так называемый развитой олдувай, трактуемый некоторыми экспертами как переходная культура, однако другие авторы оспаривают его переходный статус.

К позднеашельской эпохе (примерно 0,5 млн лет назад) форма орудий становится весьма совершенной и стандартизированной.

Историк Б. Ф. Поршнев полагал, что эректусы делали свои орудия бессознательно, инстинктивно. В свете того, что мы знаем сегодня о поведении приматов, эту гипотезу можно смело отвергнуть. Даже умение колоть орехи камнями у шимпанзе не может стать инстинктивным — оно сохраняется в ряду поколений как культурная традиция, и каждой обезьяне приходится долго учиться этому искусству, подражая старшим. Несомненно,

мастерство изготовления каменных орудий — и олдувайских, и ашельских — тоже было культурной традицией, знанием, передававшимся путем обучения и подражания.

На слабость связей между африканскими и евразийскими популяциями эректусов указывает тот факт, что ашельские технологии долго не покидали пределов Африки. Многие популяции евразийских эректусов и их потомков продолжали пользоваться примитивными олдувайскими орудиями спустя сотни тысяч, даже миллион лет после того, как в Африке были изобретены бифасы. Например, галечные орудия олдувайского типа найдены на стоянках Бильцингслебен в Германии (400—300 тыс. лет назад) и Вертешсёллэш в Венгрии (300—200 тыс. лет назад). Есть аналогичные находки и в России (стоянка Карамы в Горном Алтае).

Лишь 500—350 тыс. лет назад позднеашельские орудия проникли через Ближний Восток на просторы Евразии. Скорее всего, это был не просто культурный обмен, а новая волна расселения выходцев из Африки. Причем это были уже не эректусы, а их более продвинутые потомки, которых сейчас классифицируют как “гейдельбергских людей (*Homo heidelbergensis*) в широком смысле”. К сожалению, археологи находят каменные орудия на много порядков чаще, чем кости их производителей (камни лучше сохраняются), поэтому часто бывает трудно понять, кто какие орудия изготавливал. Но можно заметить, что время позднеашельской экспансии совпадает со временем разделения популяций предков сапиенсов и неандертальцев, которое определили недавно на основе анализа неандертальского генома (см. главу “Другое человечество”). Может быть, люди, принесшие позднеашельские технологии с Ближнего Востока в Европу, как раз и были представителями той предковой, еще не разделившейся популяции, от которой впоследствии произошли в Европе неандертальцы, а в Африке сапиенсы? Впрочем, если и так, то они, скорее всего, смешивались и с другими популяциями, то есть не были единственными предками двух “высших” видов людей.

Первые европейцы.

В раннем палеолите Европа никак не могла претендовать на статус центра цивилизации. Она была скорее задворками Ойкумены, “медвежьим углом”. Но все же и сюда добирались отголоски прогресса, ковавшегося в те времена в основном в Африке.

Древнейшим бесспорным свидетельством присутствия человека в Европе на сегодняшний день являются, по-видимому, человеческие кости, обнаруженные недавно в пещере Сима-дель-Элефанте (“Слоновая яма”) в районе Атапуэрка на севере Испании. В 2008 году большая группа исследователей из Испании и США сообщила в журнале *Nature* о найденных здесь 2 примитивных каменных орудиях и части нижней челюсти человека с несколькими сохранившимися зубами.

Самое замечательное в находке — это, конечно, ее возраст: 1,1—1,2 млн лет. Для определения возраста ученые сумели применить три независимых метода: биостратиграфический, палеомагнитный и радиометрический.

Высота пещеры Сима-дель-Элефанте составляет около 16 м, и в настоящее время она заполнена грунтом до потолка. Глина, песок и обломки камней заносились в пещеру с дождевыми потоками в течение нескольких сотен тысячелетий, пока не забили ее целиком. В пещерных отложениях выделено 13 последовательных слоев. Следы присутствия человека обнаружены в третьем слое снизу, примерно в четырех метрах от каменного дна пещеры. В одном слое с человеческой челюстью найдены кости мелких млекопитающих, в том числе мышевидных грызунов и хищников из семейства куньих. Среди этих зверьков есть виды, вымершие более миллиона лет назад. Значительно выше — на высоте 11 метров, между слоями 10 и 11 — удалось провести надежную магнитостратиграфическую границу, возраст

которой составляет 0,78 млн лет. Человеческая челюсть, следовательно, намного древнее указанной даты.

Кроме того, удалось использовать сравнительно малоизвестный радиометрический метод, основанный на распаде “космогенных” радиоактивных изотопов ^{26}Al и ^{10}Be . Эти изотопы образуются с постоянной скоростью под воздействием космических лучей в кристаллах кварца, находящихся на поверхности земли. Если камень попадает в пещеру, изотопы ^{26}Al и ^{10}Be перестают образовываться и только распадаются. По содержанию этих изотопов можно определить время, проведенное данным кусочком кварца в защищенном от космических лучей месте. При помощи этого метода ученые определили возраст двух образцов, один из которых был взят на 40 см выше человеческой челюсти, а другой на 4 м ниже, у самого дна пещеры. Возраст захоронения этих камней оказался равен $1,22 \pm 0,16$ и $1,13 \pm 0,18$ млн лет. На основании всего комплекса данных авторы заключили, что наиболее вероятный возраст человеческих останков из Сима-дель-Элефанте — от 1,1 до 1,2 млн лет.

Вместе с человеческой челюстью найдены примитивные каменные орудия олдувайского типа, а также кости крупных млекопитающих из семейства полорогих, расколотые, чтобы извлечь мозг, и несущие характерные царапины от каменных орудий.

До сих пор древнейшими ископаемыми остатками людей на территории Европы считались кости *Homo antecessor* возрастом около 0,8 млн лет, найденные той же бригадой ученых в том же районе Северной Испании в 1995 году. Правда, в других районах Южной Европы найдены каменные орудия, которые, возможно, являются еще более древними, однако возраст этих археологических находок не удалось определить с той же степенью точности, как находку из Сима-дель-Элефанте.

По единственному обломку нижней челюсти трудно определить видовую принадлежность находки. По некоторым признакам эта челюсть напоминает эректусов и даже более примитивных людей из Дманиси. Другие признаки, напротив, являются более продвинутыми. В целом, по мнению авторов, лучше всего челюсть соответствует характеристикам вида *Homo antecessor*, описанного ими же в 1995 году. Впрочем, назвать этот вид “одной из популяций поздних, продвинутых эректусов” тоже не будет большой ошибкой. Не под запретом и версия “ранние *Homo heidelbergensis*”.

Ученые предполагают, что поздние эректусы, скорее всего, пришли в Западную Европу с востока. К тому времени, когда в Испании появились первые люди (1,1—1,2 млн лет назад), эректусы, по-видимому, уже были широко распространены в южных районах Азии. Кто-то из них мигрировал в Западную Европу, и здесь, на дальних задворках тогдашней Ойкумены, дал начало новому виду (расе, популяции?) людей — *H. antecessor*.

Череп *H. antecessor* демонстрирует необычную смесь черт неандертальцев и сапиенсов. Крупные надбровные дуги, длинная и низкая черепная коробка, массивная нижняя челюсть без подбородка и крупные зубы сближают его с неандертальцами. Лицо, напротив, было относительно плоским и не выдавалось вперед, что сближает антецессоров с сапиенсами. Объем мозга около 1000 см³ — скорее как у эректусов и гораздо ниже средних значений для сапиенсов и неандертальцев.

Ископаемые остатки животных, найденные вместе с костями *H. antecessor*, говорят о том, что эти люди были умелыми охотниками на крупных зверей. Кроме того, они, несомненно, были каннибалами. Человеческие тела разделялись теми же приемами, а кости так же раскалывались для извлечения мозга, что и кости диких животных. Те и другие свалены древними обитателями пещеры в Атапуэрке в одну мусорную кучу. Это древнейшие бесспорные свидетельства каннибализма у людей. Детальный анализ находок привел исследователей к выводу, что каннибализм у *H. antecessor*, по-видимому, не был связан с какими-либо ритуалами. Людей свеживали и разделяли теми же методами, что и другую добычу. Это не было и крайним средством выживания в голодные времена. Каннибализм

был обыденностью и служил целям чисто гастрономическим. Среди съеденных были и дети, и взрослые. Вероятно, группы антецессоров конкурировали друг с другом и при случае с удовольствием пополняли свой рацион мясом соседей. Такое поведение иногда встречается и у шимпанзе.

Может быть, антецессоры впоследствии внесли вклад (наряду с носителями позднеашельских технологий?) в становление европейских популяций гейдельбергского человека, а те, в свою очередь, дали начало неандертальцам. *Homo antecessor*, судя по его морфологии, мог бы претендовать и на роль предка *H. sapiens*, однако необходимо помнить, что первый вид жил в Европе, а второй родом из Африки.

Жизнь вокруг очага.

Гешер Бенот Яков — знаменитая ашельская стоянка на территории Израиля в северной части рифта Мертвого моря. Люди (“гейдельбергские в широком смысле”) жили там 750—790 тыс. лет назад. Это была болотистая местность на берегу древнего озера. Уже многие десятилетия там работают археологи, добывая все новые сведения о жизни людей в те далекие времена. Превосходная сохранность органического материала позволила сделать выводы об ассортименте питания наших предков: кроме мясной пищи они употребляли разнообразные растения, включая орехи, зерна злаков, оливы, фрукты (среди прочих остатков ученые даже нашли изюминки).

Древние обитатели этих мест пользовались различными орудиями труда — бифасами, отщепами, палками, некоторые из которых были отшлифованы (это древнейшие шлифованные деревянные предметы, известные на сегодняшний день). Кроме того, уже тогда люди пользовались огнем и умели поддерживать его в течение долгого времени. Об этом можно судить по обожженным предметам, найденным на стоянке. Не все предметы несут следы огня, а только их малая часть — значит, предметы обрабатывались огнем намеренно, а не вследствие пожаров.

Результаты исследований дают неожиданно объемную картину жизни древних людей. Было обследовано более 80 тыс. микро- и макроартефактов и естественных остатков — орудия труда из кремня, известняка и базальта, их осколки, деревянные орудия, кусочки коры, древесины, скорлупа орехов, желуди, семена растений, раковины моллюсков, панцири крабов, остатки водных и наземных позвоночных.

В одном из культурных слоев имеются свидетельства быстрого и внезапного захоронения. Это значит, что ископаемые остатки сохранили приблизительно такое расположение, какое им придали древние обитатели прибрежной стоянки. Жилое пространство стоянки неоднородно: оно делится на две части. В этих частях — юго-восточной, где располагался очаг (древнейший бесспорный очаг на сегодняшний день), и северо-западной — находок очень много. А между ними на пространстве в 5—6 метров плотность находок заметно ниже.

Ассортимент предметов в этих частях неодинаков. Около очага концентрируются базальтовые и известняковые орудия труда — рубила, отщепы, скребки, наковальни и “молотки” для колки орехов. Кремневых орудий и кремневых осколков немного. Вокруг очага довольно много и древесных остатков, но, как ни удивительно, среди них почти нет кусочков со следами огня (таких найдено всего два). Также весьма впечатляет набор съедобных растений, среди которых нашлись водяные орехи, колючая кувшинка, желуди, оливы, лесной виноград, а также стиракс лекарственный. За этими растениями приходилось ходить в лес, до которого от стоянки был неблизкий путь. Скорлупа орехов и желудей обожжена — значит, прежде чем расколоть орехи, люди обрабатывали их огнем, так орехи легче трескаются. Вокруг очага ученые нашли и остатки нескольких крупных крабов.

В северо-западной части стоянки концентрируются кремневые отщепы, большей частью необожженные, и базальтовые осколки. А еще там много рыбьих костей. Добычей древних рыболовов были в основном крупные усачи-барбусы. Сравнение с естественным разнообразием рыб древнего озера говорит то ли о привередливости древних рыболовов, то ли об умении ловить лишь определенные виды рыб. Кроме того, их добычей были и черепахи.

Останков млекопитающих довольно много: слоны, представители собачьих и парнокопытных и, естественно, вездесущие грызуны. Но они распределены по площади более или менее равномерно.

Ясно, что около огня предки людей кололи орехи, ели крабов, использовали каменные орудия. А отойдя от костра на некоторое расстояние, они могли заняться изготовлением орудий, раскалывали камни, ели рыбу и — иногда — припасенные орехи. Зато обглоданные кости бросали повсюду.

Таким образом, функциональное разграничение жилья возникло еще в нижнем палеолите, задолго до появления “высших” представителей рода человеческого, сапиенсов и неандертальцев (древние обитатели Гешер Бенот Яков вполне могли иметь отношение к предкам обоих видов). В каждой части жилого пространства принято было выполнять определенные действия. Очаг служил средоточием жизни социума, а подальше от него нужно было делать менее разнообразную, “черновую” работу. Едва ли такая сложная и организованная жизнь была бы возможна без членораздельной речи или хотя бы какого-то ее прообраза.

«Анатомически современные люди».

По-видимому, примерно от 800 до 300—200 тыс. лет назад большая и разношерстная совокупность полуразобщенных человеческих популяций, условно объединяемых под общим ярлыком *Homo heidelbergensis*, развивалась на просторах Африки, Европы, юго-западной и центральной Азии. Средний объем мозга этих людей был почти таким же, как у нас с неандертальцами (до 1000—1400 см³). С.В. Дробышевский отмечает, что особенно сильно у гейдельбергских людей развилась теменная доля, в первую очередь ее надкраевая область. Любопытно, что надкраевая извилина теменной доли — это один из участков мозга, который возбуждается у современных экспертов, овладевших палеолитическими технологиями, когда они изготавливают ашельские рубила, но не когда они мастерят более примитивные олдувайские орудия.

Гейдельбергские люди были умелыми охотниками, о чем свидетельствуют, в частности, метательные копья возрастом 400 тыс. лет, найденные возле Шёнингена (Германия) в 1995 году. Копья сделаны из стволов молодых елей, центр тяжести у них расположен так же, как у современных метательных копий, острые концы обожжены для твердости.

Примерно 300—200 тыс. лет назад в некоторых из этих популяций начался плавный переход от позднеашельских технологий (относимых еще к нижнему палеолиту) к более сложным — среднепалеолитическим. В среднем палеолите двусторонние ручные рубила — бифасы, характерные для ашеля, — по-прежнему оставались в моде, но к ним добавилось много нового. Главным отличием среднепалеолитической каменной индустрии является широкое распространение орудий, изготовленных из отщепов, предварительно отколотых от “ядрища”. В частности, вошло в моду изобретенное несколько раньше “леваллуазское расщепление” — весьма хитрый способ производства плоских каменных орудий с острыми краями. Камень сначала аккуратно обтесывали по краям, делая выпуклую заготовку, напоминающую черепаху (следы сколов похожи на пластины черепашьего панциря). Затем

сбоку готовили “ударную площадку” и, наконец, точным ударом по этой площадке “черепашу” откалывали от основного камня. Получалось почти (или совсем) готовое плоское лезвие с одной гладкой стороной и одной — “черепашовой”.

Кроме новых методов изготовления орудий из специально подготовленных ядрищ и отщепов к числу важных среднепалеолитических новшеств относятся составные орудия — копья с каменными наконечниками (хотя достоверных находок таких орудий в среднем палеолите немного). В это время широко распространилось использование огня, а заодно и обычай готовить на нем пищу. Смена технологий имела место и в Африке, и в Европе, и в Азии, хотя в разных регионах были свои особенности.

В Европе переход от раннего к среднему палеолиту примерно совпадает с важным эволюционным событием: на смену гейдельбергским людям пришли их потомки — неандертальцы. О них мы поговорим подробнее в главе “Другое человечество”. В Африке приблизительно в это же время появляются первые люди, анатомически почти неотличимые от нас с вами. Их относят к виду *Homo sapiens*, но чаще называют осторожно “анатомически современными людьми”. Тем самым подчеркивается то обстоятельство, что, хотя их анатомия была уже почти совсем как у нас, по своей культуре они еще до нас “не дотягивали”. В частности, не было украшений, признаков наличия искусства и религиозных обрядов. Все это появилось несколько позже.

История открытия древнейших сапиенсов была довольно драматичной. Уникальные находки были сделаны в районе поселка Кибиш на берегу реки Омо в Южной Эфиопии. Это местонахождение было обнаружено в 1967 году экспедицией Кенийских национальных музеев под руководством Ричарда Лики, которому тогда было всего 23 года. Тогда же были сделаны и главные находки — два человеческих черепа, названные Омо I и Омо II.

Посланный на разведку в труднодоступный в то время район своим отцом, знаменитым палеоантропологом Луисом Лики, двадцатитрехлетний Ричард получил исчерпывающее представление об “африканской экзотике” — достаточно сказать, что при переправе через реку Омо экспедиция едва не досталась на обед крокодилам.

Выкопанные сотрудниками экспедиции у селения Кибиш человеческие кости привели юного исследователя в полный восторг. Каково же было его разочарование, когда прибывшие на место раскопок родители — Луис и Мэри Лики (та самая, что описала следы австралопитеков в Лаэтоли) — вместо похвал и поздравлений устроили ему нагоняй, заявив, что он совершенно напрасно тратит деньги с их гранта на откапывание “анатомически современных” людей. По их мнению, ему следовало сосредоточиться на поисках более древних гоминид — австралопитеков, хабилисов и им подобных.

С годами значение находки было переосмыслено. В сентябре 2008 года вышел специальный выпуск журнала *Journal of Human Evolution*, посвященный результатам их многолетнего изучения. Пожалуй, самое главное достижение состоит в уточнении датировок.

Возраст черепов Омо I и Омо II долго оставался спорным. Это было связано прежде всего с несовершенством тогдашних методов радиометрического датирования. Результат первых радиоуглеродных датировок был — “старше 40 тыс. лет”. Это означало просто-напросто, что кости слишком древние для радиоуглеродного анализа. По соотношению изотопов в раковинах нильских устриц был определен возраст 130 тыс. лет (раковины были найдены чуть выше человеческих костей), но эта датировка признавалась ненадежной даже ее авторами. Привлечение дополнительных данных, в том числе биостратиграфических (по сопутствующим остаткам животных и растений) тоже не помогало прояснить ситуацию. Так продолжалось вплоть до самого конца прошлого века. Наконец в 1999 году большая команда американских антропологов решила взяться за дело всерьез. В течение четырех сезонов

(1999, 2001, 2002, 2003) исследователи проводили в районе Кибиш широкомасштабные полевые работы. На анализ собранных материалов ушло еще несколько лет.

Стратиграфия формации Кибиш теперь разработана с величайшей подробностью и точностью. Вся изученная толща делится на четыре части (пачки), причем человеческие кости происходят из первой, самой нижней. Отложения эти образовались в результате разливов реки Омо, полноводность которой менялась циклически с периодом около 25 тыс. лет (каждая пачка соответствует одному циклу). Цикличность связана с колебаниями климата, которые, в свою очередь, были обусловлены регулярными изменениями наклона земной оси. Такие же циклические колебания величины разливов были характерны и для Нила. Ученым удалось скоррелировать осадочные толщи в устье Нила (о них мы говорили в предыдущей главе) с соответствующими слоями формации Кибиш, и это стало одной из основ для новой уточненной датировки черепов Омо I и Омо II.

Другим важным достижением стало датирование двух прослоев вулканического пепла, один из которых расположен непосредственно под костеносным слоем, а другой — значительно выше. Возраст нижнего прослоя, определенный по соотношению изотопов аргона, оказался равным 196 ± 2 тыс. лет, верхнего — 104 ± 1 тыс. лет. Вся совокупность данных свидетельствует о том, что наиболее вероятный возраст обоих черепов — 195 тыс. лет, причем величина возможной ошибки не превышает 5 тыс. лет. Это означает, что человеческие кости из формации Кибиш являются самыми древними костными остатками “анатомически современного человека”, известными на сегодняшний день.

Ранее основное внимание уделялось черепам, хотя, кроме них, было выкопано также несколько фрагментов посткраниального скелета Омо I. В 1999—2003 годах было найдено много новых костей, в том числе фаланги пальцев и часть бедра того же индивидуума. Скрупулезное изучение всех этих костей подтвердило, что Омо I, Омо II и их сородичи были “анатомически современными” людьми, то есть представителями вида *Homo sapiens*, но с отдельными архаичными чертами, которые сближают их с неандертальцами. Важно, что такие же архаичные признаки имеются и у некоторых других древних сапиенсов, в том числе у доисторических обитателей пещер Схул и Кафзех в Израиле (к ним мы еще вернемся). Эти “неандертальские” признаки трактуются некоторыми исследователями как возможное свидетельство межвидовой гибридизации между сапиенсами и неандертальцами. В свете новых данных приходится признать, что некоторые из этих архаичных признаков могли быть унаследованы вышедшими из Африки древними сапиенсами от своих африканских предков, то есть от еще более древних сапиенсов. В этом случае предположение о смешанных браках с неандертальцами вроде бы становится излишним. С другой стороны, это предположение подтверждается новейшими данными палеогенетики, о чем будет сказано ниже. Сапиенсы все-таки скрещивались с неандертальцами, причем, по-видимому, как раз в то время (порядка 120—80 тыс. лет назад) и в том районе (Ближний Восток), где жили древние обитатели пещер Схул и Кафзех.

Вместе с человеческими костями в формации Кибиш найдены многочисленные скелетные остатки млекопитающих, птиц и рыб. Среди них практически нет вымерших видов: все эти животные и поныне обитают в Восточной Африке. Природная среда в этом районе 200 тыс. лет назад была примерно такой же, как сейчас, только климат был несколько более влажным, а местность — более болотистой.

К слову, заметим, что Африка — единственный континент, где деятельность первобытных охотников, по-видимому, не привела к значительному сокращению разнообразия крупных животных. Значительно большее негативное влияние оказали наши предки на фауну Евразии, где они, вероятно, ускорили вымирание мамонтовой фауны, а в Австралии и обеих Америках приход человека и вовсе привел к катастрофическим последствиям.

Почему древние сапиенсы никого не истребили только на своем родном континенте? Может быть, потому, что африканская фауна эволюционировала вместе с гоминидами в течение нескольких миллионов лет и африканские экосистемы имели достаточно времени, чтобы приспособиться к повадкам двуногих хищников?

Важным результатом полевых работ 1999—2003 годов стала обширная коллекция каменных орудий из нижних слоев формации Кибиш (ранее там были найдены лишь единичные орудия). Это более или менее типичная индустрия африканского среднего палеолита с большой долей бифасов (обоюдоострых орудий), без каких-либо верхнепалеолитических изысков вроде костяных иголок или тонко обработанных лезвий и уж подавно — без украшений и произведений искусства. Таким образом, нет оснований утверждать, что древнейшие сапиенсы с берегов реки Омо по технологическому уровню хоть в чем-то превосходили своих современников — ранних европейских неандертальцев, изготавливавших примерно такие же среднепалеолитические каменные орудия.

Впрочем, исследователи пока воздерживаются от каких-либо прямых утверждений об интеллектуальном и культурном уровне древнейших сапиенсов. Они отмечают, что сам вопрос о том, были ли эти люди “отсталыми” или “прогрессивными”, неявно предполагает сравнение с верхним палеолитом Европы, который традиционно считается чем-то вроде “культурного эталона” для ранних представителей нашего вида. Но почему выбран именно такой эталон? Исключительно в силу исторических причин: археология палеолита стала развиваться в Европе гораздо раньше, чем в других частях света. Бесспорно, люди, обитавшие в Эфиопии 200 тыс. лет назад, не были верхнепалеолитическими европейцами, ну и что с того? Исследователи саркастически замечают, что мы и Сократа сочли бы “отсталым” по сравнению с самым посредственным американским школьником, если бы в качестве мерил “прогрессивности” использовалось присутствие в соответствующем археологическом слое плееров и пластиковых бутылок. К сожалению, имеющихся данных пока недостаточно, чтобы судить о том, как жили и о чем думали древнейшие африканские сапиенсы.

Митохондриальная Ева и игрек-хромосомный Адам в африканском Эдеме.

Сравнительный анализ митохондриальной ДНК (мтДНК) и Y-хромосом современных людей показал, что все современное человечество происходит от небольшой популяции, жившей в Восточной Африке 160—200 тыс. лет назад. Это подозрительно хорошо совпадает с археологическими данными: древнейшие “анатомически современные люди” найдены как раз в этом районе в отложениях именно такого возраста. Затем в какой-то момент, скорее всего между 100 и 60 тыс. лет назад (опять же, судя по результатам анализа мтДНК), небольшая группа сапиенсов вышла из Африки, и потомки этой группы впоследствии заселили весь мир: от них произошло все современное внеафриканское человечество. С этим сегодня почти никто не спорит. Главный вопрос в том, только ли от них оно происходит. Смешивались ли африканцы по мере своего расселения с местными евразийскими популяциями или просто вытеснили их?

В течение почти двух десятилетий (с конца 1980-х до второй половины 2000-х) перевес был на стороне второй точки зрения. Главным аргументом были упомянутые результаты анализа мтДНК и Y-хромосомы. Но как на основе анализа ДНК можно судить об истории и миграциях древних людей? Пожалуй, нам нужно поближе познакомиться с методикой и логикой таких исследований.

Сначала на основе полиморфизма (разнообразия) нуклеотидных последовательностей мтДНК людей из разных регионов мира было реконструировано эволюционное (генеалогическое) дерево этой части человеческого генома. Для таких реконструкций существуют специально разработанные, весьма надежные методики. Это похоже на то, как

лингвисты восстанавливают историю различных списков с одного исходного текста по изменениям (заменам, пропускам и добавлениям букв или слов), которые неизбежно накапливаются от переписчика к переписчику. Например, если в одном списке имеются ошибки А и Б, в другом — А, Б и В, в третьем — только Б, в четвертом — Б и Г, то логичнее всего предположить, что самый древний список — третий. С него были сделаны первый и четвертый, а затем с первого был сделан второй. Когда тексты длинные (и ошибок поэтому достаточно много), результаты получаются вполне достоверные. Если известно, в каких географических точках были найдены соответствующие рукописи, то можно восстановить пути миграций соответствующих копий.

В случае с ДНК вместо ошибок переписчиков используются случайные мутации (в основном нейтральные, то есть не влияющие на приспособленность и потому незаметные для отбора). Это даже удобнее, потому что люди — и, соответственно, их ДНК — размножаются с определенной частотой, более регулярно, чем средневековые переписчики копировали ту или иную рукопись. К тому же типичная частота возникновения мутаций приблизительно известна. Это аналогично тому, как если бы каждая рукопись переписывалась, например, один раз в 20 лет, а все переписчики делали примерно одинаковое количество ошибок на каждую тысячу слов. Тогда по количеству различий между двумя рукописями можно было бы определить время существования их “общего предка”. Для молекул ДНК это вполне возможно (степень точности — вопрос отдельный).

Оказалось, что если построить эволюционное дерево мтДНК современных людей и двигаться по его ветвям сверху вниз (из настоящего в прошлое), то все ветви в итоге сходятся в одну точку во времени и пространстве: Восточная Африка, 160—200 тыс. лет назад. Так появилась в научной печати и в СМИ “митохондриальная Ева” (митохондрии, как мы помним, передаются по материнской линии), а вслед за ней аналогичным образом возник и “Y-хромосомный Адам” (Y-хромосома есть только у мужчин и передается от отца к сыну), живший примерно в то же время и в том же месте.

Эти результаты были восприняты общественностью очень бурно, и, как водится, мало кто понял их истинный смысл. На самом деле ничего удивительного нет ни в Адаме, ни в Еве. Любые гомологичные (то есть имеющие общее происхождение) участки ДНК где-нибудь в прошлом неизбежно сходятся в одну точку, то есть в одну предковую молекулу ДНК. И эта точка вовсе не обязательно совпадает с моментом возникновения вида. Более того, если брать разные гомологичные участки ДНК, каждый из них даст свою, отличную от других “точку схождения”.

По мнению ряда экспертов, приблизительное совпадение результатов по мтДНК и Y-хромосоме — не более чем случайность, отчасти объясняющаяся тем, что оба этих участка генома имеют общее свойство: они присутствуют у каждого человека лишь в одном экземпляре (точнее, в одном варианте: “экземпляров” гораздо больше, они есть в каждой клетке, но все одинаковые). Большинство других участков генома — любые участки ядерных неполовых хромосом — присутствуют в двух вариантах, один из которых получен от отца, другой от матери. Есть еще X-хромосома, занимающая промежуточное положение: у женщин она присутствует в двух экземплярах, у мужчин в одном.

Американский антрополог и генетик Алан Темплтон еще в 2005 году обратил внимание на тот факт, что ожидаемое время схождения эволюционного дерева, построенного для отдельного участка ДНК, в одну точку зависит от того, в скольких вариантах присутствует данный участок в организме. Быстрее всего должны сходиться как раз мтДНК и Y-хромосома (что и наблюдается, они сходятся 160—200 тыс. лет назад). Это не значит, что именно тогда и появился *H. sapiens*. По мнению Темплтона, это значит лишь, что данные участки генома не годятся для реконструкции более давних событий. Участки, локализованные на X-хромосоме, сходятся в более далеком прошлом; все остальные участки

— в еще более глубокой древности, некоторые даже еще до того, как разделились эволюционные линии человека и шимпанзе. Как это может быть? Очень просто: если бы мы могли проследить во всех деталях родословную предков человечества — не какого-то конкретного человека, а всей популяции вместе, вплоть до общих предков с шимпанзе, — мы увидели бы, что эта родословная никогда не “схлопывалась” до одного-единственного индивида. Всегда, в любой момент прошлого, существовала некая предковая группа особей с различающимися генами. Поэтому “наша” эволюционная линия вполне могла унаследовать от общих с шимпанзе предков не один, а сразу несколько вариантов того или иного гена. Впоследствии мы могли растерять этот исходный полиморфизм, так что у нас в итоге остались гены, происходящие лишь от одного из исходных вариантов. Именно так и произошло с мтДНК и многими другими генами. Но это не обязательно: по некоторым генам часть исходного полиморфизма могла досуществовать (и досуществовала) до наших дней.

В общем, получается, что история мтДНК — еще не история человечества.

Каким образом по мтДНК или другому участку генома можно сделать вывод о выходе наших предков из Африки в какое-то определенное время? Это возможно в том случае, если вскоре после данного события у кого-то из переселенцев возникла мутация в изучаемом участке ДНК, которая затем в ходе экспансии размножилась. И тогда современный генетик увидит, что частота встречаемости данной мутации у внеафриканского населения, к примеру, 10 %, а в Африке ее нет. Время возникновения мутации определяется на основе других, позднее возникших мутаций, по методу “молекулярных часов”. Ну а если вскоре после выхода из Африки в данном участке генома никакой мутации не возникло? Тогда, разумеется, ничего не выйдет: этот участок генома просто не сохранит следов интересующей нас экспансии.

Поэтому по одному-единственному участку генома (например, по мтДНК) нельзя делать окончательные выводы об эволюции и истории расселения человечества. Для таких выводов необходим комплексный анализ многих разных участков генома.

Темплтон проанализировал помимо мтДНК и Y-хромосомы еще 23 участка генома и пришел к следующим выводам. Разные участки ДНК сохранили следы разных событий в истории человечества. Общая картина довольно точно совпадает с той, которая реконструируется по данным археологии. Три участка ДНК сохранили следы древнейшей волны выхода из Африки около 1,9 млн лет назад. Это означает, что в наших жилах течет кровь древних азиатских (а не только африканских) эректусов!

Семь участков ДНК свидетельствуют о втором исходе из Африки около 0,65 млн лет назад. Это, наверное, позднеашельская экспансия. Гейдельбергские люди, представители этой волны, — тоже наши предки. Наконец, еще пять участков ДНК (в том числе мтДНК и Y-хромосома) подтверждают третий исход из Африки около 130 тыс. лет назад.

Кроме того, данные Темплтона показывают, что обмен генами между евразийскими и африканскими популяциями наших предков практически никогда не прекращался, хоть и был сильно затруднен большими расстояниями. Получается, что древнее человечество все-таки не было совокупностью полностью изолированных популяций (рас, подвидов, видов?) — оно было относительно единым на протяжении двух последних миллионов лет.

Выводы Темплтона оспаривались одними экспертами, в то время как другие разными путями приходили к похожим результатам. Но вплоть до публикации сенсационных результатов прочтения геномов неандертальца и денисовца (речь о которых пойдет ниже), преобладала точка зрения о полном вытеснении африканскими сапиенсами всех древних евразийских популяций.

Три дырявые ракушки и начало «подлинно человеческой» культуры.

Важнейшим переломным рубежом в истории *Homo sapiens* традиционно считается так называемая верхнепалеолитическая революция — качественный скачок в культурном и технологическом развитии, произошедший около 45—35 тыс. лет назад и примерно совпадающий по времени с вторжением сапиенсов в неандертальскую Европу. Еще сравнительно недавно ученые полагали, что именно в это время наши предки впервые научились изготавливать сложные изделия из кости и рога, освоили новые методы обработки камня (требующие не только высочайшего мастерства, но и способности концентрировать внимание на нескольких вещах одновременно), стали пользоваться украшениями и создали первые произведения искусства — наскальные изображения животных.

Но люди современного типа, как мы уже знаем, появились в Африке значительно раньше — около 200 тыс. лет назад. Их культура поначалу была среднепалеолитической, то есть примерно такой же, как у других современных им человеческих рас, в том числе европейских неандертальцев. Около 130 тыс. лет назад сапиенсы появляются в Западной Азии, но эта первая волна “исхода из Африки”, по-видимому, оказалась неудачной. Затем началась вторая волна расселения. Сапиенсы двигались на восток вдоль берегов Индийского океана, оставляя за собой характерные раковинные кучи, свидетельствующие о пристрастии к морепродуктам (подробнее см. в главе “Великое расселение сапиенсов”). Все современное неафриканское человечество — потомки этой второй волны переселенцев (с примесью генов местных евразийских популяций).

До тех пор пока материальная культура сапиенсов оставалась среднепалеолитической, они не показывались в Европе, где господствовала более крепкая физически и хорошо приспособленная к холодному климату неандертальская раса. Верхнепалеолитическая революция дала сапиенсам возможность быстро (за 5—6 тыс. лет) оккупировать Европу.

Некоторые находки последних лет, однако, несколько размыли эту относительно стройную картину. Выяснилось, что отдельные элементы верхнепалеолитической культуры были выработаны нашими предками задолго до вторжения в Европу, а возможно, даже до выхода из Африки.

Древнейшие признаки зарождения “подлинно человеческой” духовной культуры выглядят довольно скромно. Это три продырявленные ракушки моллюска *Nassarius gibbosulus*, обнаруженные в 2006 году. Две из них, найденные в коллекции Британского музея естественной истории, происходят из пещеры Схул вблизи Хайфы (Израиль). В этом районе селились попеременно то неандертальцы (до 130 и 65—47 тыс. лет назад), то сапиенсы (130—80 и после 47 тыс. лет назад). Анализ породы, прилипшей к одной из раковин, позволил установить, что раковина происходит из так называемого слоя В, возраст которого оценивается в 130 — 100 тыс. лет. В это время здесь жили сапиенсы. Это были представители “первой волны” выходцев из Африки, о которой говорилось выше. В слое В пещеры Схул найдено десять скелетов, большинство из которых по своей анатомии соответствуют человеку современного типа с рядом архаичных черт (но есть и вполне неандерталоидные особи). Специалисты допускают, что по крайней мере некоторые из этих людей были сознательно похоронены соплеменниками. На грудь одного из покойников (Схул-5) сородичи положили нижнюю челюсть крупного кабана, что трактуется как свидетельство существования погребальных обрядов и религиозных верований.

Похожие отверстия в раковинах *Nassarius gibbosulus* после смерти моллюска могут возникать и естественным путем, но происходит это сравнительно редко (такие перфорации наблюдаются всего у 3,5% современных раковин, собранных в море или на берегу). Таким образом, вероятность случайного попадания в пещеру сразу двух перфорированных раковин, при том что других раковин этого вида в пещере не обнаружено, составляет примерно одну тысячную. Попытки археологов самостоятельно проделать в раковинах *Nassarius gibbosulus*

подобные отверстия при помощи среднепалеолитических каменных орудий увенчались полным успехом. Сначала надо кремневым острием пробить маленькую дырочку, а затем вращательными движениями придать отверстию нужную форму и размер.

Раковины не могли попасть в пещеру без помощи человека, поскольку пещера находится на высоте 65 м над уровнем моря. 130—100 тыс. лет назад она тоже находилась достаточно высоко (не менее 45 м). Звери и птицы никогда не заносят этих моллюсков на такую высоту. Едва ли древние обитатели пещеры Схул могли принести моллюсков в свое жилище только для того, чтобы их съесть, потому что раковины эти мелкие (около полутора сантиметров) и пищевой ценности не представляют. Возможно, это все-таки остатки древнейших украшений.

Третья перфорированная ракушка, относящаяся к тому же виду моллюсков, найдена в коллекции парижского Музея человека и происходит из среднепалеолитической стоянки на севере Алжира, в 150 км от моря. Точно определить возраст этой стоянки пока не удалось, но, по косвенным данным, он может быть сопоставим с возрастом слоя В пещеры Схул.

Эти находки наряду с другими ставят под сомнение теорию взрывного, внезапного появления “подлинно человеческой” культуры на рубеже среднего и верхнего палеолита. По-видимому, культурное развитие наших предков протекало более постепенно, чем считалось до сих пор. Другой важный вывод, который можно сделать из этих открытий, состоит в том, что наши прямые предки — архаические *Homo sapiens*, — возможно, начали опережать неандертальцев по культурному уровню задолго до конца среднего палеолита. Обнаруженные с их свидетельства символического осмысления мира и ритуальной деятельности неандертальцев (захоронения, украшения) либо значительно моложе израильских и алжирских находок, либо их возраст вызывает сомнения, да и принадлежность их неандертальцам в ряде случаев не бесспорна.

Дырявых ракушек становится больше, но не надолго.

В период от 80 до 60 тыс. лет назад произошло сразу несколько событий, сыгравших важную роль в развитии человечества. В это время происходили крупные миграции *Homo sapiens* в Африке, тогда же человечество распространилось за пределы родного континента и заселило юг Азии. В тот же период наши предки прошли через “бутылочное горлышко” — период резкого сокращения численности (может быть, их осталось всего около 15 тыс.). Это было связано, вероятно, с чудовищным извержением вулкана Тоба на Суматре, которое произошло 74 тыс. лет назад. Это была катастрофа не в пример нынешним: весь полуостров Индостан был засыпан толстым слоем вулканического пепла, атмосфера в течение нескольких лет едва пропускала солнечные лучи, что привело к сильному похолоданию (эффект ядерной зимы). И все же сапиенсы выжили, причем не только на своей родине в Африке, но, возможно, и в Индии, куда они уже успели к тому времени добраться.

Вскоре после извержения Тобы произошли важные события в культурной эволюции африканских сапиенсов, в их “духовном развитии”. В это время впервые в большом количестве появляются украшения (не три несчастные продырявленные ракушки, а целые ожерелья) и геометрические узоры, выцарапанные на камнях и скорлупе страусиных яиц.

Многие антропологи считают, что появление украшений и орнаментов было связано с развитием символического мышления и речи. Древние ожерелья составлялись не как попало, а из ракушек определенного размера и оттенка. Возможно, они играли роль символов, рассказывающих о статусе человека и его роде-племени. Это в свою очередь предполагает существование большого, сложно структурированного общества, в котором представители разных общин имели схожие интересы и понятия и, видимо, могли эти интересы друг с другом обсуждать.

Если не считать трех ракушек, о которых рассказано выше, украшения впервые по-настоящему вошли в обиход в Южной Африке, в двух археологических культурах, известных как стилбейская (СБ) и ховьесонс пурт (ХП).

Культура СБ древнее, чем ХП. Для нее характерны тонко обработанные, заостренные с двух концов наконечники копий, костяные остроконечники, исцарапанные геометрическими узорами кости и камни, многочисленные ожерелья из ракушек. Для более молодой культуры ХП характерен несколько иной набор каменных и костяных артефактов, в том числе изделия с притупленными краями, которые, вероятно, были частями каких-то составных орудий, а также предполагаемые древнейшие костяные наконечники для стрел (хотя луков найти не удалось).

Чтобы понять последовательность событий, происходивших на заре человеческой цивилизации, крайне важно получить точные датировки культур СБ и ХП. Разумеется, такие попытки предпринимались и раньше, причем довольно успешные, однако полной ясности до сих пор не было. Дело в том, что разные находки датировались разными людьми, в разных лабораториях и разными методами. Неудивительно, что общая картина получалась несколько смазанной. В частности, до сих пор никто не мог сказать наверняка, был ли между культурами СБ и ХП перерыв или культура СБ непосредственно переросла в культуру ХП; не ясна была и длительность периодов культурного расцвета. Кроме того, оставалось неясным, связаны ли вспышки культурного развития с изменениями климата; одновременно ли развивались культуры СБ и ХП в разных климатических зонах.

На все эти вопросы попыталась ответить группа исследователей из Южной Африки, Австралии, Великобритании и Германии. Они получили максимально точные оптически-люминесцентные датировки для 44 проб грунта из археологических слоев, содержащих артефакты культур СБ и ХП, а также из непосредственно прилегающих к ним выше- и нижележащих слоев. Пробы были взяты в девяти районах археологических раскопок в Южной Африке, Лесото и Намибии.

Таким образом, авторы получили 44 датировки, каждая со своими доверительными интервалами, которые затем были подвергнуты сложному статистическому анализу.

Выяснилось, что культура СБ появилась примерно 71900 лет назад, просуществовала очень недолго — менее тысячелетия — и исчезла около 71 тыс. лет назад. Культура ХП появилась после долгого перерыва около 64800 лет назад, просуществовала примерно 5300 лет и исчезла около 59500 лет назад. Нового периода культурного расцвета африканским сапиенсам пришлось ждать уже до самой верхнепалеолитической революции, которая началась то ли в Европе, то ли в Азии и докатилась до Африки около 40 тыс. лет назад.

Полученные даты хорошо согласуются с большинством датировок, полученных ранее другими методами. Однако только теперь стало ясно, что между двумя культурами был долгий перерыв. Украшения, изошренные орудия и другие признаки высокого культурного развития не сразу стали неотъемлемой чертой человеческих обществ: они появлялись, затем забывались, снова входили в обиход и снова исчезали.

Авторам не удалось обнаружить никакой корреляции между культурным развитием древних обитателей Южной Африки и природными условиями. Обе культуры были широко распространены на юге Африки, причем они не были приурочены к каким-то определенным природным зонам. Люди, принадлежавшие к культурам СБ и ХП, жили и у берегов океана, и в глубине материка, и в горах, в районах с разным климатом, разной сезонностью дождливых и засушливых периодов. Похоже на то, что носители новой прогрессивной культуры быстро расселялись по большим территориям и одинаково успешно осваивали разные природно-климатические зоны.

Причины взлета и упадка культур СБ и ХП пока не ясны. Некоторые авторы предполагают, что это могло быть связано с колебаниями плотности населения и интенсивности культурного обмена между поселениями. Возможно, для того, чтобы культурный прогресс стартовал, необходима некоторая пороговая численность популяции. Этот порог может быть ниже, если соседние поселения разнородны в культурном отношении и между ними существует интенсивный обмен знаниями. Чем меньше и разреженнее население и чем меньше культурных контактов между отдельными сообществами, тем выше вероятность забывания полезных знаний, утраты технологий и деградации культуры. Эти предположения основаны на результатах математического моделирования, и в них, на мой взгляд, содержится ключ к пониманию крупномасштабных закономерностей эволюции культуры.

Возможно, именно этим механизмом объясняется удивительная и трагичная судьба аборигенов Тасмании. Около 8 тыс. лет назад, когда в Северном полушарии растаяли ледники, уровень океана поднялся, и Тасмания оказалась отрезанной от Австралии, с которой прежде составляла единое целое. Тасманийцы оказались в полной изоляции. В течение последующих тысячелетий их культура катастрофически деградировала. От уровня, характерного для австралийских аборигенов того времени (приблизительно соответствующего верхнему палеолиту), тасманийцы быстро “скатились” чуть ли не до нижнепалеолитического состояния. Они разучились делать костяные орудия, теплую одежду, каменные орудия с деревянными рукоятками, сети, рыболовные гарпуны, копьеметалки и бумеранги. Все это, по археологическим данным, было у них 8000 лет назад, но полностью исчезло к моменту появления европейцев.

1.3. Задание 3 (к разделу Первобытное хозяйство и материальная культура)

Задание: прочитайте следующую главу монографии А. Маркова «Эволюция человека. I. Обезьяны, кости, гены», составьте план-конспект.

Великое расселение сапиенсов // Марков А. Эволюция человека. I. Обезьяны, кости, гены. М., 2011 г., стр.: 339-389.

Первые шаги.

В предыдущих главах мы упоминали, что, судя по генетическим данным, современное внеафриканское человечество в основном происходит от небольшой популяции выходцев из Африки. В основном — потому что, как показали недавние открытия в области палеогенетики, наши африканские предки в процессе своего расселения по Евразии все-таки скрещивались как минимум с двумя популяциями евразийских аборигенов — неандертальцами и загадочными денисовцами.

Гибридизация с неандертальцами произошла вскоре после выхода из Африки и еще до того, как сапиенсы начали заселять обширные просторы Евразии. Поэтому неандертальские гены есть у всех современных евразийцев примерно в одинаковом количестве (около 2,5%). Денисовские гены есть только у меланезийцев. Это значит, что скрещивались с денисовцами лишь отдельные группы сапиенсов, потомки которых впоследствии осели в Новой Гвинее и на островах к востоку от нее. Некоторые генетические данные указывают также на возможность скрещивания восточноазиатских сапиенсов с тамошними реликтовыми эректусами, но эти выводы, скорее всего, будут оставаться “предварительными” до тех пор, пока не удастся прочесть геном какого-нибудь позднего азиатского эректуса.

До сих пор, однако, остаются неясными время и маршрут выхода сапиенсов из африканской прародины. Генетические данные не позволяют датировать это событие со сколько-нибудь приемлемой точностью. Археологические данные тоже, к сожалению, довольно сомнительны.

Древнейшими свидетельствами присутствия “анатомически современных людей” за пределами Африки считаются находки в пещерах Схул и Кафзех на севере Израиля. Там обнаружены скелеты людей современного типа, хотя и с некоторыми архаичными чертами, сближающими их с древнейшими сапиенсами из Эфиопии. Возраст костей сапиенсов из пещер Схул и Кафзех — 119 ± 18 и 81 ± 13 тыс. лет. Это примерно совпадает с последним межледниковьем, когда климат на Ближнем Востоке был относительно теплым и влажным. До начала этой теплой эпохи в данном районе, возможно (есть некоторые сомнения в датировках), проживали привычные к холоду неандертальцы.

Скорее всего, чтобы попасть в Палестину, сапиенсы пересекли засушливые районы Северной Африки по “Нильскому коридору”. Но этот первый исход из Африки, похоже, не имел далеко идущих последствий, потому что в период между 65 и 47 тыс. лет назад в том же районе регистрируется присутствие уже не сапиенсов, а снова неандертальцев. Возможно, неандертальцы пришли сюда с севера в связи с похолоданием и оттеснили теплолюбивых сапиенсов обратно в Африку.

Многие эксперты полагают, что современное внеафриканское человечество в основном происходит не от той популяции, которая проникла в Азию “северным путем” по Нильскому коридору около 120 тыс. лет назад, а от другой группы выходцев из Африки, которая покинула родной материк “южным путем”, то есть перебралась через Баб-эль-Мандебский пролив в Южную Аравию и затем расселялась вдоль побережья Индийского океана на восток, оставляя на своем пути характерные раковинные кучи.

Хронология этого второго исхода из Африки остается дискуссионной и опирается в основном на косвенные данные. Некоторые эксперты полагают, что он состоялся около 85 тыс. лет назад, и уже вскоре после этого сапиенсы добрались до Индонезии и южного Китая.

Эта версия представлена в интерактивной презентации The Journey of Mankind (<http://www.bradshawfoundation.com/journey/>), основанной на трудах Стивена Оппенгеймера из Оксфордского университета. Одна из книг Оппенгеймера, “Изгнание из Эдема. Хроники демографического взрыва”, переведена на русский язык (2004).

Однако бесспорные следы присутствия сапиенсов (то есть ископаемые кости анатомически современных людей) в южной и Юго-Восточной Азии начинаются лишь примерно с 42 тыс. лет назад (хотя уже 48—43 тыс. лет назад сапиенсы проникли в Австралию, см. ниже). Ряд археологических находок, подтверждая косвенные данные генетики, указывает на более раннее (начиная примерно с 80 тыс. лет назад) присутствие людей на южном побережье Азии. Но как доказать, что это именно сапиенсы, а не какие-нибудь денисовцы или иные потомки более древних мигрантов из Африки? Ведь находят, как правило, только каменные орудия. Например, на юге Индостана непосредственно под толстым слоем вулканического пепла, оставленного грандиозным извержением вулкана Тоба 74 тыс. лет назад, обнаружены каменные орудия, сходные с африканским средним палеолитом. Самое удивительное, что точно такие же орудия присутствуют и непосредственно над слоем пепла! Получается, что древние индийцы сумели пережить катастрофу: отсиделись где-то, а потом как ни в чем не бывало продолжили заниматься своими делами на старом месте. С точки зрения некоторых экспертов, такая жизнестойкость является важным аргументом в пользу того, что это были именно сапиенсы.

В начале 2011 года журнал Science опубликовал новые археологические данные, подтверждающие очень ранний выход сапиенсов из Африки “южным путем”. К сожалению, человеческих костей по-прежнему нет: речь снова идет лишь о каменных орудиях, но все-таки эта находка значительно повышает достоверность реконструкций Оппенгеймера и его единомышленников и даже позволяет привязать пересечение Баб-эль-Мандеба к еще более ранней дате.

Международная команда археологов из Великобритании, Объединенных Арабских Эмиратов, США, Украины и Германии сообщила о результатах раскопок палеолитической стоянки, расположенной на юго-востоке Аравийского полуострова, неподалеку от Ормузского пролива (соединяющего Персидский залив с океаном). Древние люди жили в небольшом гроте у подножия каменистой возвышенности Джебель-Файя. Каменная кровля грота к настоящему времени обвалилась. Раскопки в Джебель-Файя проводились в 2003—2010 годах. Сверху залегают культурные слои железного и бронзового веков, под ними — неолитический слой, затем идет чистый песок без признаков присутствия человека, а еще ниже находятся три среднепалеолитических слоя: А, В и С. На самом деле есть еще четвертый слой D, самый древний, но о нем авторы ничего конкретного пока не сообщили: не успели как следует изучить.

Из того, что изучено, интереснее всего слой С. Его возраст, по результатам оптиколюминесцентного датирования, составляет от 127 ± 16 до 95 ± 13 тыс. лет. Самое главное, что каменные орудия из этого слоя как по своей “типологии” (форме, размерам, соотношению орудий разных типов и другим формальным признакам), так и по технологиям обработки камня очень похожи на изделия, производившиеся в это время сапиенсами восточной Африки. В Леванте, где селились то сапиенсы, то неандертальцы, каменная индустрия в те времена сильно отличалась от того, что найдено в слое С в Джебель-Файя. По мнению археологов, создатели каменной индустрии слоя С почти наверняка были выходцами из Восточной Африки. То есть, конечно, сапиенсами, потому что в Африке в то время других людей не было.

Слой С без перерыва переходит в В, о возрасте которого в статье не сообщается (наверное, не смогли определить). Затем после перерыва, представляющего собой прослойку песка без орудий, идет слой А возрастом 38—40 тыс. лет. Еще выше — опять чистый песок, продолжающийся вплоть до появления неолитических орудий возрастом ю—9 тыс. лет.

Каменные изделия слоев В и А — среднепалеолитические, похожие на орудия из слоя С, но отличающиеся от того, что находят на других ближневосточных и африканских стоянках тех времен.

Эти данные в переводе с археологического языка означают примерно следующее. По-видимому, сапиенсы впервые появились в Джебель-Файя в начале последнего (рисс-вюрмского) межледниковья, около 130—125 тыс. лет назад. Это был на редкость удобный момент для преодоления Баб-эль-Мандебского пролива и миграции вдоль южного побережья Аравии. Вплоть до примерно 130 тыс. лет назад, пока длилось предпоследнее (рисское) оледенение, уровень моря был очень низким — на 100 м ниже, чем сейчас. Пересечь сузившийся и обмелевший пролив можно было и раньше, однако до тех пор, пока не началось глобальное потепление, климат в южной Аравии был слишком засушлив, чтобы люди могли здесь долго продержаться. Потом, когда климат улучшился, уровень моря поднялся, и пролив расширился. Однако в самом начале межледниковья, по-видимому, был краткий период, когда море еще не успело подняться, а климат в Южной Аравии уже стал благоприятным для людей. Это видно на рисунке: кривая уровня моря (Б) около 130 тыс. лет назад еще не начала подниматься, а влажный период, обозначенный серой вертикальной полосой, уже начался.

Не исключено, что часть южноаравийской популяции сапиенсов двинулась дальше на восток и дала начало всему внеафриканскому человечеству. Может быть, они успели пересечь и Ормузский пролив до подъема уровня моря (собственно, в то время пролива там не было, Персидский залив был сушей, нужно было пересечь только большую реку, образованную слиянием Тигра и Евфрата). О том, каким образом в их генофонд попали неандертальские гены, пока можно лишь гадать: возможно, были какие-то древние миграции между южной Аравией и Левантом. Так или иначе, на восток ушли не все. Об этом свидетельствуют палеолитические слои В и А. Люди, оставившие каменные орудия в этих слоях, по-видимому, жили в Джебель-Файя уже в относительной изоляции, потому что никакие технологические новшества, в том числе верхнепалеолитические технологии, к ним не проникали ни из Африки, ни из Леванта. Они сохраняли разнообразные приемы обработки камня, характерные для слоя С и африканского среднего палеолита, но кое-что, видимо, позабыли: в слоях В и А отсутствуют орудия, изготовленные при помощи леваллуазской технологии, хорошо знакомой людям слоя С (а также другим среднепалеолитическим сапиенсам и неандертальцам).

Тем временем по мере развития последнего, Вюрмского, оледенения климат в Аравии становился все более засушливым.

40 тыс. лет назад процесс зашел слишком далеко, территория опустынилась, и люди исчезли из этого района вплоть до начала следующего (нынешнего) межледниковья. Лишь около 10 тыс. лет назад здесь снова появилось население, но это уже были обладатели совсем другой, несравненно более высокой неолитической культуры. Впрочем, если все эти увлекательные теории верны, неолитические пришельцы (как и все мы, вне-африканские сапиенсы) должны быть потомками древнейших обитателей южной Аравии.

Открытие Австралии.

И все же следует помнить, что данные о начальных этапах расселения сапиенсов вдоль южных берегов Азии по-прежнему скудны и во многих случаях сомнительны. По-настоящему массовое и бесспорное присутствие сапиенсов в различных точках Евразии регистрируется начиная с 50 тыс. лет назад. Примерно в это время сапиенсы сумели перебраться из юго-восточных районов Азии в Австралию. Это подтверждается как археологическими, так и генетическими данными — в частности, анализом мтДНК австралийских аборигенов.

Так, в 2006 году антропологи и генетики из Австралии, Великобритании, Швеции и Швейцарии сообщили в журнале *American Journal of Physical Anthropology* о результатах анализа мтДНК 69 аборигенов из разных районов Австралии.

Имеющиеся у современных людей варианты мтДНК подразделяются на три “макрогруппы”: L1, L2, L3, причем первые две встречаются только в Африке. Макрогруппа L3 в свою очередь делится на ряд групп. Две из них (M и N) были у тех людей, которые вышли из Африки и потомки которых заселили все остальные материки. Поэтому все неафриканское человечество относится к двум большим митохондриальным линиям — M и N, и австралийцы не являются исключением. Все известные на сегодняшний день варианты мтДНК австралийцев распадаются на пять групп: АВ, АА, АС, АД, АЕ, причем первая группа принадлежит к линии M, а четыре другие — к N. Все пять групп, по-видимому, встречаются только в Австралии.

Анализ подтвердил, что Австралия была заселена очень давно (не менее 40 тыс. лет назад). Это соответствует археологическим данным, согласно которым люди жили в Австралии уже 43—48 тыс. лет назад. В то время австралийцы вовсе не были отсталым народом. Возле озера Манго (Новый Южный Уэльс) обнаружены два уникальных древних захоронения, мужское и женское. Тело мужчины было покрыто красной охрой, а женщина, по-видимому, была кремирована. Это древнейшие в истории человечества документированные случаи использования кремации и охры в погребальных обрядах. Возраст обоих захоронений — около 40 тыс. лет, но люди в этом районе появились, вероятно, на 6—10 тыс. лет раньше. Культура первых австралийцев, по-видимому, оставалась на среднепалеолитическом уровне. Характерные для верхнего палеолита инновации появлялись в Австралии постепенно, намного позже, чем в Европе, Африке и Азии, и далеко не в полном объеме. Однако 50—45 тыс. лет назад верхнего палеолита как такового не существовало еще нигде.

Вскоре после появления людей в Австралии произошло массовое вымирание почти всех крупных местных животных. Многие исследователи связывают это событие с негуманными методами охоты древних австралийцев. Впрочем, не исключено, что вымирание мегафауны в действительности протекало не столь стремительно и растянулось на десяток тысячелетий.

Число первопоселенцев, вероятно, было довольно велико, и они были достаточно разнообразны в генетическом отношении. Этим объясняется, в частности, присутствие в Австралии обеих “глобальных” линий — M и N. Некоторые признаки указывают на родство первопоселенцев Австралии с древними обитателями Новой Гвинеи.

Данные по мтДНК не дают оснований предполагать, что в более поздние эпохи имели место новые волны переселения в Австралию из других регионов (или в обратном направлении). Однако анализ Y-хромосом австралийцев показал, что в течение последних ю тыс. лет в Австралию проникло какое-то количество выходцев из Индии. Несоответствие результатов по мтДНК и Y-хромосоме может объясняться множеством причин. Например, пришельцы из Индии могли быть мужчинами, а если с ними и были женщины, они могли не оставить прямых потомков по женской линии.

Похоже, австралийцы оставались генетически изолированными от остального человечества большую часть своей истории. Более того, значительная степень изоляции имела также и внутри самой Австралии между разными ее регионами. Это подтверждается резко неравномерным распределением генетических вариаций по территории Австралии.

Кажется удивительным, что после первой, очень древней и, по-видимому, многочисленной волны переселенцев Австралия оказалась отрезанной от мира на десятки тыс. лет, и никто (или почти никто) больше не переселялся туда даже из соседних регионов, таких как Новая Гвинея.

Все эти выводы носят предварительный характер. Для их уточнения необходимо собрать гораздо больше материала, а это не так-то просто. Некоторые социально-политические и культурологические факторы в настоящее время препятствуют массовому сбору необходимых анализов (проб ДНК) у коренных австралийцев. Возможно, аборигены до сих пор не простили тех европейских ученых, которые юо—150 лет назад на полном серьезе предполагали, что коренные жители Австралии и Тасмании могут оказаться искомыми “переходными формами между обезьяной и человеком”.

Покорение Европы.

Примерно в то же время, когда сапиенсы из Юго-Восточной Азии заселили Австралию, или немного позже их сородичи из Юго-Западной Азии начали мигрировать в северо-западном направлении и вторглись в неандертальскую Европу. Разобраться в хронологии последовавших за этим событий стало возможно благодаря последним достижениям в развитии метода радиоуглеродного датирования.

Точность этого метода в последние годы возросла благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, появились способы высококачественной очистки органических веществ, в первую очередь коллагена, выделяемого из древних костей, от всех посторонних примесей. Когда речь идет об очень древних образцах, даже ничтожная примесь постороннего углерода может привести к серьезным искажениям. Например, если в образце возрастом 40 тыс. лет окажется всего-навсего 1 % современного углерода, это приведет к уменьшению “радиоуглеродного возраста” на целых 7 тыс. лет. Как выяснилось, в большинстве древних археологических находок присутствуют такие примеси, поэтому их возраст систематически занижался.

Второй источник ошибок, который наконец удалось устранить, связан с тем, что содержание радиоактивного изотопа ^{14}C в атмосфере (а следовательно, и в органическом веществе, образовавшемся в различные эпохи) не является постоянным. Кости людей и животных, живших в периоды повышенного содержания ^{14}C в атмосфере, изначально содержали больше этого изотопа, чем предполагалось, и поэтому их возраст опять-таки занижался. В последние годы удалось провести ряд чрезвычайно точных измерений, позволивших реконструировать колебания ^{14}C в атмосфере в течение последних 50 тысячелетий. Для этого были использованы уникальные морские отложения в некоторых районах Мирового океана, где осадки накапливались очень быстро, гренландские льды, пещерные сталагмиты и коралловые рифы. Во всех этих случаях можно было для каждого слоя сопоставить радиоуглеродные даты с другими, полученными на основе соотношения изотопов кислорода $^{18}\text{O}/^{16}\text{O}$ или урана и тория.

В результате были разработаны поправочные шкалы и таблицы, позволившие резко повысить точность радиоуглеродного датирования образцов старше 25 тыс. лет. О чем же рассказали уточненные даты?

Ранее считалось, что люди современного типа впервые появились на юго-востоке Европе примерно 45 тыс. лет назад. Отсюда они постепенно расселялись в западном и северо-западном направлении. Заселение Центральной и Западной Европы продолжалось, согласно “неисправленным” радиоуглеродным датировкам, примерно 7 тыс. лет (43—36 тыс. лет назад); средняя скорость продвижения — 300 м в год. Уточненные датировки показывают, что заселение началось раньше — 46 тыс. лет назад — и происходило быстрее: до 41 тыс. лет назад; скорость продвижения — до 400 м в год. Примерно с такой же скоростью позже распространялась по Европе земледельческая культура (ю—6 тыс. лет назад), тоже пришедшая с Ближнего Востока. Любопытно, что обе волны расселения шли двумя параллельными путями: первый — вдоль Средиземноморского побережья от Израиля до Испании, второй — по долине Дуная, с Балкан — в Южную Германию и далее до Западной Франции.

Кроме того, выяснилось, что период совместного проживания современных людей и неандертальцев в большинстве районов Европы был существенно короче, чем считалось: не ю тыс. лет, а лишь около 6 тыс., а в некоторых районах, например на западе Франции, и того меньше — всего 1—2 тыс. лет. После этого уцелевшие неандертальцы доживали свой век в уединенных уголках Европы (таких как полуостров Гибралтар, Балканы и Крым) — вплоть до окончательного вымирания примерно 28 тыс. лет назад.

По уточненным датировкам, некоторые ярчайшие образцы пещерной живописи оказались намного древнее, чем считалось. Начало эпохи ориньяк, ознаменованное появлением разнообразных сложных изделий из кости и рога (пресловутая ‘верхнепалеолитическая революция’), тоже сдвинулось в глубь времен — до 41 тыс. лет назад.

Все это показывает, что коренное неандертальское население Европы пало под натиском ближневосточных пришельцев значительно быстрее, чем считалось. Наверное, превосходство сапиенсов — технологическое или социальное — все-таки было слишком велико, и ни физическая сила неандертальцев, ни их выносливость, ни приспособленность к холодному климату не могли спасти обреченную расу.

Как мы знаем из предыдущих глав, вопрос о том, в чем конкретно состояло это преимущество, на сегодняшний день представляется практически неразрешимым. Сапиенсы могли превосходить неандертальцев по размеру и сплоченности групп, по умению координировать действия нескольких кланов; у них могли быть более совершенные методы охоты, что привело к вытеснению неандертальцев как менее эффективных конкурентов. Некоторые данные указывают на то, что дело могло быть не только в культурно-социальных различиях, но и в биологии, в генетически обусловленных особенностях мышления.

Недавно появилось первое археологическое подтверждение гипотезы о том, что между сапиенсами и неандертальцами были прямые столкновения. В пещере Ле-Руа на юго-западе Франции среди множества типичных кроманьонских (ориньякских) артефактов найдена нижняя челюсть неандертальского ребенка с царапинами от каменных орудий. Вероятно, сапиенсы просто-напросто съели юного неандертальца, используя каменные инструменты для соскребания мяса с костей. Прошли те времена, когда сапиенсы могли смотреть на неандертальцев как на равных и скрещиваться с ними, как в начале эпохи Великого расселения (см. выше). В ходе покорения Европы сапиенсы с неандертальцами уже не скрещивались — об этом свидетельствуют результаты прочтения неандертальского генома. Теперь бывшие родичи годились только на обед.

Демографический фактор.

Многие антропологи предполагают, что в начале верхнепалеолитической эпохи (примерно 45—30 тыс. лет назад), а возможно, и раньше — в среднем палеолите, популяции *Homo sapiens* испытали значительный демографический рост. Не исключено, что демографические факторы способствовали быстрому вытеснению сапиенсами неандертальцев и других ‘поздних архаичных людей’. В этом утверждении, впрочем, есть элемент тавтологичности: если одна популяция вытесняет другую, это всегда связано с демографией (относительная, а скорее всего и абсолютная численность одной из конкурирующих популяций растет, другой — снижается). Более того, из этого следует (по определению), что первая популяция является более приспособленной, чем вторая.

При этом демографический рост сам по себе является интересным объектом исследования. Он может происходить за счет разных механизмов: например, за счет снижения детской или взрослой смертности или за счет роста рождаемости.

Механизмы демографического роста сапиенсов в начале верхнего палеолита точно не известны, но логично предположить, что одной из причин могло быть снижение взрослой смертности и увеличение ожидаемой продолжительности жизни взрослых людей. На такую

возможность указывает тот факт, что кости и зубы неандертальцев несут в среднем больше следов болезней, травм и других признаков тяжелых жизненных условий по сравнению с костями ранних сапиенсов.

Для проверки предположения о снижении взрослой смертности у средне- и верхнепалеолитических сапиенсов антрополог Эрик Тринкаус из Университета Вашингтона в Сент-Луисе проанализировал возрастной состав древних людей, чьи костные остатки позволяют определить индивидуальный возраст. Для определения возраста палеоантропологи используют несколько признаков, главным из которых является степень стертости эмали коренных зубов. Учитывались только взрослые индивиды (начиная от 20 лет).

Автору удалось получить достоверные данные по 59 поздним архаичным людям (преимущественно неандертальцам), 13 среднепалеолитическим сапиенсам из Азии и Северо-Восточной Африки (десять из них происходят из знаменитых пещер Схул и Кафзех на севере Израиля) и 49 сапиенсам, жившим в начале верхнего палеолита (45—25 тыс. лет назад). В каждой из трех выборок было подсчитано соотношение молодых (до 40 лет) и “старых” (40 лет и более) индивидов. Оказалось, что это соотношение практически одинаково у поздних архаичных людей и ранних сапиенсов.

Из 59 “поздних архаичных людей” лишь 14 (23,7%) дожили до сорока, из 13 среднепалеолитических сапиенсов — только один (7,7%), из 49 верхнепалеолитических сапиенсов — 13 (26,5 %). Достоверных различий между ранними сапиенсами и неандертальцами по данному показателю не обнаружено.

При этом все три выборки резко отличаются по возрастному составу от аналогичных археологических выборок, относящихся к голоцену, то есть к последним десяти тысячелетиям.

В голоценовых археологических выборках доля людей от сорока и старше составляет в среднем 39,3%. Еще выше этот показатель у современных диких народов, не имеющих медицины (65 % двадцатилетних доживают до сорока).

Тринкаус показал, что малое число людей старшего возраста в палеолитических выборках нельзя объяснить тем, что в палеолите люди по каким-то причинам предпочитали хоронить молодых, умерших в расцвете сил, а престарелых чаще оставляли без погребения (вероятность того, что скелет сохранится и попадет в руки археологов, резко возрастает, если человека похоронить). Имеющиеся данные указывают как раз на обратную картину: среди палеолитических людей, которые были сознательно похоронены своими соплеменниками, доля пожилых существенно выше, чем в среднем по всей выборке. Из 59 поздних архаичных людей похоронено было 18, из них 44,4% старше сорока; из 13 среднепалеолитических сапиенсов похоронено 11 (9,1% старше сорока); из 49 верхнепалеолитических сапиенсов похоронено 27 (33,3% старше сорока).

По-видимому, древние люди чаще предавали земле как раз пожилых соплеменников, а не молодых. Поэтому избирательность погребений могла исказить реальную картину лишь в сторону завышения (а не занижения) доли пожилых среди умерших.

Таким образом, радикального снижения взрослой смертности у сапиенсов в среднем и первой половине верхнего палеолита, по-видимому, не было. Оно произошло позже, но когда именно — сказать пока трудно. Средне- и верхнепалеолитические сапиенсы обычно умирали молодыми, и по этому демографическому показателю их популяции не отличались от неандертальских. Во всех человеческих коллективах того времени, по-видимому, численно преобладали дети и подростки, среди которых было много сирот. Малое число взрослых людей в группе вело к тому, что трудовая нагрузка на каждого из них была очень велика, что вряд ли способствовало их долгой жизни. К тому же и дедушек с бабушками, которые могли бы помочь нянчиться с малышкой, в группах почти не было.

Чем же был обусловлен предполагаемый рост численности сапиенсов в верхнем палеолите, если взрослая смертность не уменьшилась? Одно из двух: либо выросла плодовитость (женщины стали чаще рожать), либо снизилась детская и подростковая смертность. Проверить это крайне трудно, потому что детей в те времена хоронили редко, и их останки имели мало шансов сохраниться.

Венера и флейга.

Случайно ли, нет ли, но заселение сапиенсами Европы и вытеснение коренного неандертальского населения совпадает в пространстве и времени с началом ориньякской эпохи, ознаменованной новыми технологиями изготовления орудий, а также внезапным появлением и бурным расцветом искусства.

Искусство эпохи ориньяк — это вам не скромные ожерелья из ракушек и геометрические царапины на скорлупе страусиных яиц, как в культурах стилбей и ховьесонс пурт в южной Африке 70—60 тыс лет назад. На этот раз наши предки создали нечто большее: настоящую живопись, музыку, скульптуру. Причем произошло все это довольно быстро. За пределами Европы искусство появляется, по-видимому, на несколько тысячелетий позже.

О древнейшей в мире скульптуре мир узнал совсем недавно — в 2009 году. Нашли ее в пещере Холе-Фельс (“Полая скала”) на юго-западе Германии. Пещерные отложения в Холе-Фельс подразделяются на 18 слоев. Нижние четыре слоя относятся к среднему палеолиту и содержат следы пребывания неандертальцев. Над ними расположены отложения верхнего палеолита, когда в пещере жили люди современного типа. Из этих верхнепалеолитических слоев шесть нижних относятся к эпохе ориньяк — древнейшему этапу европейского верхнего палеолита, над ними залегают слои граветтской и мадленской эпох.

Сенсационная находка, о которой сообщил археолог Николас Конард из Тюбингенского университета, — вырезанная из мамонтовой кости женская статуэтка, происходящая из самого нижнего слоя ориньякской эпохи. Непосредственно под этим слоем идут уже среднепалеолитические неандертальские слои, отделенные от верхнепалеолитических отложений тонким прослоем “стерильной” глины. Этот прослой очень важен: он означает, что сапиенсы никого не выгоняли, а пришли в давно опустевшую пещеру. Что случилось с неандертальцами из Холе-Фельс? Никто не знает.

В 2003 г. Конард нашел двумя слоями выше — в третьем снизу ориньякском слое — три костяные фигурки: лошадиную голову, водоплавающую птицу и териантропа (странное существо с признаками человека и кошки). Они считались одними из самых древних, — а возможно, и самыми древними произведениями искусства, однако новая находка еще древнее.

Точный возраст статуэтки и вмещающих отложений попытались определить радиоуглеродным методом. Анализировались в основном фрагменты костей животных, найденные в непосредственной близости от статуэтки. В этих костях сохранилось довольно много коллагена, который и использовался для анализов, проводившихся независимо в нескольких лабораториях. Однако результаты получились не совсем однозначные. “Исправленные” (откалиброванные) радиоуглеродные датировки варьируют примерно от 35—36 до 44 тыс. лет назад. Такой разброс может быть связан со множеством причин — например, со случайным загрязнением проб посторонними примесями.

По мнению автора, наиболее вероятный возраст статуэтки — около 40 тыс. лет, что соответствует самому началу эпохи ориньяк. Этот вывод основан на том, что находка сделана в самой нижней части метровой толщи ориньякских отложений. При этом нужно иметь в виду, что пещера Холе-Фельс — чуть ли не самая большая и удобная в этом районе и к тому же хорошо заметна, поэтому пришедшие сюда сапиенсы должны были заселить ее одной из первых.

Статуэтка была расколота на шесть кусков, которые все были найдены в пределах одного квадрата 25 x 25 см. У склеенной скульптуры недостает левой руки и плеча, но Конард надеется, что они со временем найдутся — ведь находка была сделана на самом краю раскопа, рядом с его вертикальной глиняной стенкой, в толще которой, возможно, и скрываются недостающие части древнейшей скульптуры.

Статуэтка довольно реалистична с точки зрения анатомии, но кое в чем древний скульптор дал волю фантазии — иначе какое же это искусство? Гипертрофированные женские половые признаки роднят ее со знаменитыми “палеолитическими венерами” более поздней граветтской эпохи (начавшейся 27—28 тыс. лет назад). Еще одной интересной особенностью статуэтки является полное отсутствие головы. Видимо, древний скульптор считал эту часть женского тела наименее существенной. Вместо головы он вырезал аккуратное колечко, чтобы можно было носить фигурку на шнурке. Колечко слегка отполировано изнутри: вероятно, кто-то ее действительно носил — может быть, в качестве амулета.

Талия Холефельской Венеры лишь ненамного уже широких плеч и бедер. Живот разукрашен горизонтальными линиями, которые, вероятно, символизируют какое-то одеяние. Линии были процарапаны острыми каменными орудиями, причем древний скульптор многократно проводил острием по одному и тому же месту и прикладывал значительные усилия, чтобы борозда в твердой мамонтовой кости стала достаточно глубокой. В отличие от типичных “палеолитических венер” грудь у Холефельской Венеры не висит, плечи очень широкие, а живот почти плоский.

Это не просто древнее произведение искусства. Это еще и самое старое дошедшее до нас изображение человека. Уникальное окно в прошлое, единственный способ своими глазами взглянуть на человека раннеориньякского времени. Жаль, что оно все-таки слишком стилизованное и без головы.

Новая находка заставила пересмотреть сложившиеся представления о зарождении палеолитического искусства. До сих пор считалось, что для ориньякской эпохи были характерны только изображения животных, в основном крупных и агрессивных, а также объектов, связанных с шаманскими культами (вроде вышеупомянутого человека-кошки). Считалось, что женское тело стало источником вдохновения для палеолитических скульпторов лишь в следующую, граветтскую эпоху. Теперь очевидно, что это творческое направление присутствовало в верхнепалеолитической художественной культуре с самого ее зарождения.

Скорее всего, женские фигурки с преувеличенными половыми признаками прямо или косвенно символизировали плодородие. Возможно, тот же смысл несли и многочисленные схематические изображения мужских и женских половых органов, выцарапанные на камнях, и фаллические скульптуры возрастом 35—36 тыс. лет, найденные на юго-западе Франции.

Вскоре после публикации статьи о древнейшей Венере германские археологи сообщили еще об одной сенсационной находке, сделанной ими в той же пещере и в том же самом слое, возраст которого составляет около 40 тыс. лет.

Флейта, вырезанная из лучевой кости белоголового сипа, была найдена 17 сентября 2008 года. Белоголовый сип — крупная птица (размах крыльев 230—265 см), кости которой идеально подходят для изготовления флейт. Длина сохранившейся части флейты — 21,8 см, диаметр — 8 мм. У флейты пять отверстий для пальцев и два глубоких V-образных выреза на том конце, в который дул музыкант. Противоположный конец инструмента (длиной в несколько сантиметров) не сохранился. Исследователи предполагают, что из инструмента можно было извлечь не менее пяти нот.

В том же слое найдены фрагменты двух других флейт, выточенных из мамонтового бивня. Над этими инструментами древним мастерам пришлось потрудиться побольше, чем над дудочкой из полой птичьей кости. Сначала вырезалась заготовка, которая затем

разделялась вдоль на две половинки. В каждой их половинок вытачивали желобок, а затем половинки каким-то образом склеивали.

Ранее в ориньякских отложениях юго-западной Германии уже было найдено несколько обломков флейт из птичьих костей и мамонтового бивня. В общей сложности, вместе с новыми находками, описаны фрагменты четырех “птичьих” и четырех “мамонтовых” флейт. Ценность новых находок прежде всего в том, что они имеют более точную стратиграфическую привязку: о них можно с уверенностью сказать, что они были изготовлены в самом начале ориньякской эпохи, то есть вскоре после появления в Европе людей современного типа.

Кроме того, находки показали, что уже в самом начале верхнего палеолита — сразу после “верхнепалеолитической революции” — игра на музыкальных инструментах была обычной, широко распространенной практикой у наших предков. Возможно, музыка способствовала сплочению коллективов кроманьонцев и в какой-то мере помогала их быстрой экспансии и вытеснению коренного европейского населения.

Ранее в Словении была найдена медвежья кость возрастом 43 тыс. лет с двумя круглыми дырочками, которая была интерпретирована как неандертальская флейта. Но в настоящее время большинство специалистов считают эту интерпретацию ошибочной. По-видимому, дырочки были проделаны зубами хищника. Все бесспорные палеолитические флейты, найденные за пределами юго-западной Германии, моложе 30 тыс. лет.

Флейта из Холле-Фельс найдена всего в 70 см от древнейшей женской статуэтки, и археологи не исключают, что эти предметы были каким-то образом связаны друг с другом.

Назад в Африку.

Внеафриканское человечество, по-видимому, происходит в основном от группы сапиенсов, вышедших из Африки через Баб-эль-Мандебский пролив. Эти люди были носителями митохондриальных линий M и N. Что касается африканцев (особенно тех, что живут к югу от Сахары), то они, как считалось до недавних пор, в основном являются потомками тех сапиенсов, которые никогда не покидали своей прародины. Это подтверждается гораздо более высоким разнообразием типов мтДНК у африканцев по сравнению с не-африканцами (у первых сохранились разнообразные древние варианты мтДНК, а у не-африканцев — только вариации типов M и N).

Недавно к этой картине была добавлена новая важная деталь. Выяснилось, что у коренных жителей некоторых северных и восточных районов Африки часто встречаются два нетипичных для африканцев варианта мтДНК. Один из этих вариантов (M1) относится к группе M, которая распространена в Южной и Юго-Восточной Азии и в Океании. Второй вариант (U6) относится к распространенной по всей Евразии подгруппе R группы N.

Проще всего было бы предположить, что это результат каких-то сравнительно поздних миграций азиатов в Африку. Но это предположение не подтвердилось. Ученые определили последовательность нуклеотидов мтДНК у 51 носителя варианта M1 и 30 носителей варианта U6. Сравнение этих последовательностей с другими известными последовательностями человеческой мтДНК показало, что обе линии (M1 и U6) — весьма древние. Они, несомненно, происходят от евразийских групп M и N, но обособились от них давно — около 40 тыс. лет назад.

Крайне любопытно, что ближайшей родственницей линии U6 является линия U8, которая, по мнению генетиков, появилась около 50 тыс. лет назад и могла встречаться у носителей культуры ориньяк, то есть людей современного типа, заселивших неандертальскую Европу и достигших небывалого культурного расцвета (хотя прямых палеогенетических подтверждений эта идея пока не имеет).

Приняв во внимание множество дополнительных фактов, исследователи предположили следующее. Вышедшие из Африки люди, вероятно, долгое время были отрезаны от своей

прародины и от Европы пустыней, которая простиралась от Северной Африки до Центральной Азии. Около 46 тыс. лет назад климат улучшился, и люди проникли с востока в Левант. Это были носители вариантов мтДНК U5, U6 и M1.

По-видимому, где-то здесь, в Западной Азии, они приобщились к верхнепалеолитической культуре — самым передовым технологиям того времени. Может быть, они сами ее и создали. Из Леванта они стали расселяться дальше: одни в Северную Африку (где сохранились варианты U6 и M1), другие — в Европу, где сохранился вариант U5. Из этого следует, что древнейшие африканские и европейские верхнепалеолитические культуры — даббан и ориньяк, — возможно, происходят от общего западноазиатского корня.

Открытие Америки.

Следя за приключениями наших предков, мы постепенно переходили от “еще обезьян” к “уже не совсем обезьянам”, “то ли обезьянам, то ли людям”, “почти людям” и наконец добрались до “совсем уж точно людей”. Мы увидели, что человеческие черты развивались понемногу, не все сразу, что они не образуют единого комплекса неразрывно связанных друг с другом признаков. Постепенно на этом пути снижалась роль биологических факторов (генов, мутаций, отбора) и на первый план выходили факторы культурные — накопление знаний и традиций, передающихся из поколения в поколение негенетическим путем.

Разумеется, в зачаточной форме культурная эволюция существовала уже у древнейших гоминид — как существует она и сегодня у шимпанзе. Разумеется, биологическая эволюция не прекратилась и в современном человечестве (об этом мы подробнее поговорим в “Заключении”). Провести четкую грань, найти точку во времени, когда биологическая эволюция гоминид уступила место культурной, невозможно. Точно так же, как невозможно точно указать момент, когда “нечеловеческая обезьяна” превратилась в “человеческую”. Хотите — считайте, что это произошло с началом изготовления каменных орудий, или с началом роста мозга у хабилисов, или с быстрым ростом мозга у эректусов, или с переходом от олдувая к ашелю, или с освоением огня, или с появлением гейдельбергских людей с таким же большим мозгом, как у нас, или с появлением “анатомически современных” сапиенсов, или с появлением ожерелий на юге Африки, или с “верхнепалеолитической революцией”. Дело это чисто условное и, по правде сказать, довольно бессмысленное: все равно что пытаться абсолютно точно установить сумму, начиная с которой мало денег” превращается в “много денег”.

Однако нам постоянно приходится принимать именно такие условные и научно не обоснованные решения, ведь наши действия поневоле дискретны. При встрече с соперником животные демонстрируют так называемую реакцию борьбы или бегства — либо вступают в схватку, либо убегают. Нельзя наполовину броситься в бой, а наполовину удрать. Из-за необходимости постоянно принимать дискретные решения наше мышление работает “категориально”: мы то и дело пытаемся найти четкие границы между понятиями, в том числе и там, где их на самом деле нет, и разделить непрерывный ряд (континуум) на отрезки, приклеив к ним слова-ярлыки.

Сейчас нам нужно методом волевого решения выбрать момент, на котором рассказ об эволюции гоминид можно прекратить — а о том, что было дальше, пусть в других книгах рассказывают историки с социологами. По-моему, вступление наших предков в эпоху верхнего палеолита — вполне подходящий момент для проведения такой условной грани. Но об одном более позднем событии — заселении Северной и Южной Америки — все-таки следует рассказать. Уж очень масштабная была акция.

Никаких других гоминид, кроме сапиенсов, в Новом Свете никогда не было. Все сообщения о находках такого рода впоследствии были опровергнуты. Первые люди — верхнепалеолитические охотники-сапиенсы — проникли в Америку из Азии,

воспользовавшись сухопутным мостом — Берингией, которая во времена оледенений соединяла Чукотку с Аляской.

Согласно одной из гипотез, примерно 13,5 тыс. лет назад переселенцы впервые прошли по узкому коридору между ледниками в западной Канаде и очень быстро — всего за несколько веков — расселились по всему Новому Свету вплоть до южной оконечности Южной Америки. Вскоре они изобрели крайне эффективное охотничье оружие — дротики с плоскими, симметричными и устрашающе острыми кремневыми наконечниками (так называемая культура кловис) — и перебили большую часть мегафауны (крупных животных) на обоих материках.

Однако новые факты, полученные генетиками и археологами, показывают, что в действительности история заселения Америки была несколько более сложной. Специалисты продолжают энергично спорить о ее деталях. Критический обзор различных версий дан в книге Ю. В. Березкина “Мифы заселяют Америку” (2007). Мы же будем в основном придерживаться фактов и гипотез, изложенных в большой обзорной статье, опубликованной недавно в журнале Science.

Данные генетики. Азиатское происхождение коренных американцев не вызывает сомнений. В Америке распространены пять вариантов митохондриальной ДНК (А, В, С, D, X), причем все они характерны также для коренного населения Южной Сибири от Алтая до Амура. Митохондриальная ДНК, извлеченная из костей древних американцев, также имеет явно азиатское происхождение.

Попытки установить на основе анализа мтДНК и Y-хромосомы время разделения азиатских и американских популяций пока дают довольно противоречивые результаты (получающиеся датировки варьируют от 25 до 15 тыс. лет). Несколько более надежными считаются оценки времени начала расселения палеоиндейцев к югу от ледникового щита: 16,6—11,2 тыс. лет. Эти оценки основаны на анализе трех вариантов подгруппы C1, широко распространенных среди индейцев, но не встречающихся в Азии. По всей видимости, эти варианты мтДНК возникли уже в Новом Свете. Более того, анализ географического распространения различных вариантов мтДНК среди современных индейцев показал, что наблюдаемую картину легче объяснить исходя из допущения, что расселение началось ближе к началу, а не к концу указанного временного интервала (то есть скорее 11—16, а не 11—12 тыс. лет назад).

Некоторые антропологи высказывали предположение о “двух древних волнах” заселения Америки (в рамках этой теории более поздний приход в Америку предков эскимосов рассматривается как третья волна). Идея “двух волн” основывалась на том, что древнейшие человеческие черепа, найденные в Новом Свете, заметно отличаются по ряду размерных показателей от черепов современных индейцев. Но генетические данные не подтверждают идею двух волн. Наблюдаемое распределение генетических вариаций свидетельствует о том, что все генетическое разнообразие коренных американцев происходит из единого предкового азиатского генофонда и широкое расселение людей по обеим Америкам имело место только единожды. Так, во всех изученных популяциях индейцев от Аляски до Бразилии встречается один и тот же аллель (вариант) одного из ядерных микросателлитных локусов⁶³, который не встречается нигде за пределами Нового Света, за исключением чукчей и коряков. Это говорит о том, что все индейцы произошли от единой предковой популяции, а не от нескольких разных. У древнейших американцев, судя по данным палеогенетики, были распространены те же группы мтДНК, что и у современных индейцев.

Данные археологии. Уже 32 тыс. лет назад люди — носители верхнепалеолитической культуры — заселили Северо-Восточную Азию вплоть до побережья Северного Ледовитого океана. Об этом свидетельствуют, в частности, археологические находки, сделанные в низовьях реки Яны, где обнаружены изделия из мамонтовой кости и рогов шерстистого

носорога⁶⁴. Заселение Арктики, по-видимому, произошло в период сравнительно теплого климата перед наступлением последнего ледникового максимума. Не исключено, что уже в эту отдаленную эпоху обитатели азиатского северо-востока проникали на Аляску. Там найдено несколько костей мамонта возрастом около 28 тыс. лет, возможно, подвергавшихся обработке. Однако искусственное происхождение этих объектов спорно, а никаких каменных орудий или других явных признаков присутствия человека поблизости не обнаружено.

Древнейшие бесспорные следы присутствия человека на Аляске — каменные орудия, очень похожие на те, что производились верхнепалеолитическим населением Сибири, — имеют возраст 14 тыс. лет. Дальнейшая археологическая история Аляски довольно сложна. Здесь обнаружено много стоянок возрастом 12—13 тыс. лет с разными типами каменной индустрии. Возможно, это свидетельствует об адаптации местного населения к быстро меняющемуся климату, но может отражать и миграции племен.

40 тыс. лет назад большая часть Северной Америки покрылась ледниковым щитом, который перегородил путь с Аляски на юг. Сама Аляска льдом не покрывалась. В периоды потеплений в ледниковом щите открывались два коридора — вдоль Тихоокеанского побережья и к востоку от Скалистых гор, — по которым древние жители Аляски могли пройти на юг. Коридоры были открыты 32 тыс. лет назад, когда люди появились в низовьях Яны, но 24 тыс. лет назад они снова закрылись. Люди не успели ими воспользоваться.

Прибрежный коридор снова открылся около 15 тыс. лет назад, а восточный — несколько позже, 13,0—13,5 тыс. лет назад. Впрочем, древние охотники теоретически могли обойти препятствие морским путем. На островах Санта-Роза и Сан-Мигель у побережья Калифорнии обнаружены следы присутствия человека возрастом 12800—11500 лет. Это означает, что население Америки в те времена уже хорошо знало, что такое лодка или плот.

Детально документированная археологическая история Америки к югу от ледника начинается с культуры кловис. Расцвет этой культуры охотников на крупного зверя был стремительным и скоротечным. Согласно последним уточненным радиоуглеродным датировкам, древнейшие материальные следы культуры кловис имеют возраст 13200—1100 лет, а самые молодые — 12900—12800 лет. Культура кловис так быстро распространилась по обширным территориям Северной Америки, что археологи пока не могут определить район, в котором она впервые появилась: точность методов датирования оказывается недостаточной для этого. Всего через 2—4 столетия после своего появления культура кловис столь же стремительно исчезла.

По-видимому, кловисцы были кочевыми охотниками-собираателями, способными быстро перемещаться на большие расстояния. Их каменные и костяные орудия были весьма совершенны, многофункциональны, изготавливались при помощи оригинальных методик и весьма ценились своими обладателями. Каменные орудия производились из высококачественного кремня и обсидиана — материалов, которые далеко не везде можно найти, поэтому люди берегли их и носили с собой, порой унося на сотни километров от места изготовления. Стоянки культуры кловис представляют собой небольшие временные лагеря, где люди не жили подолгу, а останавливались лишь затем, чтобы съесть очередного убитого крупного зверя. Кроме того, на юго-востоке США и в Техасе найдены громадные скопления кловисских артефактов — до 650 тыс. штук в одном месте. В основном это отходы каменной индустрии. Очевидно, здесь у кловисцев были главные “каменоломни” и “оружейные мастерские”.

Излюбленной добычей кловисцев были хоботные — мамонты и мастодонты. В Северной Америке обнаружено как минимум 12 бесспорных кловисских “мест забоя и разделки хоботных”. Это очень много, учитывая кратковременность существования культуры кловис. Для сравнения, во всем верхнем палеолите Евразии (что соответствует периоду времени примерно в 30 тыс. лет) обнаружено всего шесть таких стоянок. Вполне

возможно, что люди кловис внесли немалый вклад в вымирание американских хоботных. Не брезговали они и более мелкой добычей — бизонами, оленями, зайцами и даже рептилиями и амфибиями.

Культура кловис проникла в Центральную и Южную Америку, но здесь она не получила такого широкого распространения, как в Северной (найден лишь небольшое количество типичных кловисских артефактов). Зато в Южной Америке обнаружены палеолитические стоянки с другими типами каменных орудий, в том числе с характерными рыбообразными наконечниками. Некоторые из этих южноамериканских стоянок по возрасту перекрываются с кловисскими. Раньше считалось, что культура “рыбных” наконечников произошла от кловисской, но уточнение датировок, проведенное недавно, показало, что, возможно, обе культуры происходят от некоего общего и пока еще не обнаруженного предка”.

На одной из южноамериканских стоянок найдены кости вымершей дикой лошади. Это значит, что первопоселенцы Южной Америки, вероятно, тоже внесли свой вклад в истребление крупных животных. Жаль, не знали палеоиндейцы, на что еще годятся лошади: если бы они не съели их, а приручили, как впоследствии ламу, еще неизвестно, как повернулась бы дальнейшая история.

В течение второй половины XX века археологи неоднократно сообщали о находках более древних следов присутствия человека в Америке, чем стоянки культуры кловис. Большинство этих находок после тщательных проверок оказывались более молодыми. Однако для нескольких стоянок “докловисский” возраст сегодня признается большинством специалистов. В Южной Америке это стоянка Монте-Верде в Чили, возраст которой — 14600 лет. В штате Висконсин, у самого края существовавшего в те времена ледникового щита, обнаружены две стоянки древних любителей мамонтичины — то ли охотников, то ли падальщиков. Возраст стоянок — от 14200 до 14800 лет. В том же районе найдены кости мамонтовых ног с царапинами от каменных орудий; возраст костей — 16 тыс. лет, правда самих орудий поблизости так и не нашли. В Пенсильвании, Флориде, Орегоне и других районах США сделано еще несколько находок, с разной степенью достоверности указывающих на присутствие людей в этих местах 14—15 тыс. лет назад. Немногочисленные находки, возраст которых был определен как еще более древний (свыше 15 тыс. лет), вызывают у специалистов большие сомнения.

Промежуточные итоги. Хотя некоторые палеоиндейские черепа отличаются от современных, результаты генетического анализа свидетельствуют в пользу версии о происхождении всего коренного населения Америки — как древнего, так и современного — от одной и той же популяции выходцев из Северо-Восточной Азии, которые, в свою очередь, пришли туда из южной Сибири. Первые люди появились на северо-западной окраине североамериканского континента не ранее 30 и не позднее 13 тыс. лет назад, скорее всего между 22 и 16 тыс. Судя по молекулярно-генетическим данным, расселение из Берингии на юг началось не ранее чем 16,6 тыс. лет назад, причем размер популяции “основателей”, от которой произошло все население обеих Америк к югу от ледника, не превышал 5 тыс. человек. Теория многократных волн заселения не подтвердилась (за исключением эскимосов, алеутов и некоторых других племен, которые пришли из Азии значительно позже, но заселили только крайний север американского континента). Опровергнута также и теория об участии европейцев в древней колонизации Америки.

Одно из важных достижений последних лет состоит в том, что кловисцы, по-видимому, больше не могут считаться первопоселенцами обеих Америк к югу от ледника. Эта теория предполагает, что все более древние археологические находки должны быть признаны ошибочными, а с этим на сегодняшний день уже никак нельзя согласиться. Кроме того, эта теория не подтверждается данными по географическому распространению генетических

вариаций среди индейского населения, которые свидетельствуют о более раннем и не таком стремительном заселении обеих Америк.

По-видимому, обе Америки были заселены примерно 15 тыс. лет назад — практически сразу после того, как открылся прибрежный “коридор”, позволивший обитателям Аляски проникнуть на юг сухим путем. Находки в Висконсине и Чили показывают, что 14,6 тыс. лет назад обе Америки уже были обитаемы. У первых американцев наверняка были лодки или хорошие плоты, что могло способствовать их быстрому расселению вдоль тихоокеанского побережья. Это подтверждается новейшими результатами изучения палеоиндейских стоянок на островах Санта-Роза и Сан-Мигель у побережья Калифорнии. Древние обитатели островов были хорошо приспособлены к жизни на океанском побережье; они охотились на морских птиц, ловили рыбу и морского зверя, собирали моллюсков. Второй предположительный путь ранних миграций — на восток вдоль южного края ледникового щита до Висконсина и далее. Вблизи ледника могло быть особенно много мамонтов, за которыми и шли древние охотники.

Появление культуры кловис стало итогом двухтысячелетнего развития древнего американского человечества. Возможно, центром происхождения этой культуры был юг США потому что именно здесь найдены их главные “рабочие мастерские”.

1.4. Задание 4 (к разделу Ранние земледельцы)

Задание: прочитайте следующие разделы учебного пособия Г. Е. Маркова «Первобытное общество», составьте план-конспект.

Марков Г. Е. Первобытное общество. М., 2009 г., стр.: 116-146.

Брак, семья и семейные отношения

Понятие «брак» в литературе нередко толкуется расширительно, как отношения лиц разного пола. Однако брак это социальный институт, основанный, с одной стороны, на разделении труда, а с другой — на установлении социального статуса человека и его места в общественной ячейке. Так что, если использовать современную терминологию, брак — это явление как бы юридическое, санкционирующее обществом социальные и экономические взаимоотношения между полами. Неженатая молодежь в первобытном обществе как бы не имеет общественного статуса и важнейших социальных прав. И только вступление в брак, чему порой предшествуют длительные и мучительные инициации, делает юношу полноправным членом общины, имеющим право голоса. Определенные права получала и девушка, вышедшая замуж. Однако в полном смысле полноправным членом общества она становилась только с рождением у нее детей. Если многодетная вдова оставалась без мужа, то в некоторых случаях она обладала правом голоса на общинном собрании глав семей.

Форма брака зависела в основном от хозяйственно-культурного типа, уровня социального развития и, как явление историческое, изменялась вместе с развитием общества.

Как уже отмечалось, одна из главных функций семьи состояла в осуществлении разделения труда между ее членами. Очевидно, что по мере развития человеческого общества изменялся и характер разделения труда. В ходе антропогенеза, и особенно после сложения человека современного вида, разделение труда углублялось и совершенствовалось в рамках семьи, что вело к изменениям в семейных отношениях. И если первоначально разделение труда действовало в значительной мере в границах общины, то постепенно оно стало все более ограничиваться семейными рамками.

Семья выполняла и другие задачи. Прежде всего, биологическую — по воспроизводству потомства. Однако в условиях первобытности отношения между незамужними и неженатыми членами общин далеко не всегда были строго регламентированы, и дети могли свободно появляться и вне семьи и брака. Однако в семье рождение детей имело не только биологический, но и социальный смысл.

Следующую функцию семьи можно определить как экономическую: совместное добывание пищи и ее потребление. Но и в этом отношении в первобытном обществе происходили существенные исторические изменения. На раннем этапе первобытности добывание средств существования и их потребление в значительной мере осуществлялось всеми членами общины совместно, соответственно установленным ими правилам и нормам. Постепенно в них происходили изменения, вплоть до индивидуализации семьи, как самостоятельной экономической ячейки общины.

С возникновением института частной собственности на средства производства семья стала основной ячейкой общины и общества в целом. Она владела землей и иным имуществом на разных условиях, что стало залогом ее устойчивости. В условиях цивилизации и государства сложилась моногамная семья, во главе которой, за отдельными исключениями, стоял мужчина — отец семейства.

Наконец, еще одну функцию семьи можно условно назвать «собственно социальной». Условно потому, что и остальные из названных выше функций семьи тоже имеют преимущественно социальный характер.

Социальная функция заключается прежде всего в том, что в семье ребенок учится языку, осознает свою принадлежность к определенной социальной общности, то есть

приобретает социальную идентификацию. В семье он получает первые навыки социальной жизни, узнает значение родства. И, в той или иной мере, в течение всей жизни сохраняет социальные связи с семьей и родственниками.

Особенно сложен вопрос об изначальных исторических формах семьи и их последующей трансформации. Археология, имеющая дело главным образом с предметами материальной культуры, ничего не может сказать по этому поводу. Возможности этнологии, данные которой моложе древнейшей истории человечества на многие тысячи лет, ограничены. За этот огромный промежуток времени происходили эволюционные изменения в самих обществах, многое менялось вследствие диффузии — взаимовлияния социальных организмов и многих других процессов. Однако этнология все-таки может дать кое-что для представления о древнейших формах семейных общностей. Наконец, при реконструкции института семьи и брака часто привлекаются данные о приматах.

Из этнографических и биологических данных известны три относительно устойчивых разновидности сожительства полов в виде парной семьи. При этом парность понимается не просто как 1 + 1, а в более сложной комбинации, которая может включать и большее число парных членов.

Признаками парной семьи можно считать ее неустойчивость, вследствие отсутствия основы в виде собственности на средства производства и преобладания или господства разделения труда вне парной семьи. Следует, однако, иметь в виду, что неустойчивость эта скорее теоретическая: судя по этнографическим данным, на деле парная семья может быть весьма устойчивой, что объясняется трудностью нахождения брачных партнеров в условиях бродячей жизни небольших человеческих коллективов.

Первой и, возможно, наиболее распространенной у наших далеких предков формой семьи была собственно парная семья, состоявшая из мужчины, женщины и детей. Наличие такой формы семьи можно гипотетически предположить у охотников на крупного зверя в Евразии в позднепалеолитическое время.

В иных условиях разделения труда могла сложиться другая форма семьи — в виде многоженства (гаремная семья), что, однако, не следует смешивать с полигамией у кочевников и некоторых других народов, о чем пойдет речь ниже. Возникновение этой формы семьи могло быть связано с большим значением женского труда (например, собирательства) в добывании средств существования.

Наконец, третья гипотетическая форма древней семьи — полиандрия, многомужество, известное по относительно недавним этнографическим данным у некоторых народов Южной Азии (народ тода, обитающий в Нильгирийских горах Южной Индии, некоторые группы тибетцев и др.). Можно предположить, что полиандрия возникла при переселении скотоводческого народа в места с совершенно непривычными и, к тому же, весьма неблагоприятными для жизни условиями. В условиях отгонного скотоводства в разделение труда основное значение имел мужской труд. Недостаток пищи породил обычай убийства части новорожденных девочек, чтобы сократить число голодных ртов. Число женщин уменьшалось, возникало многомужество.

Вполне вероятно, что в зависимости от хозяйственно-культурных условий и других явлений могли возникать и иные, промежуточные, формы семьи.

По мере совершенствования хозяйственной деятельности и увеличения значения внутрисемейного разделения труда происходила эволюция семьи. Ее завершающим этапом, с укреплением института частной собственности на средства производства и имущество, возникновением цивилизации и государственности, стало превращение парной семьи в моногамную. Теоретически устойчивая, она основывалась на частной собственности на средства производства.

Общественная организация

Ни в условиях первобытности, ни позднее парные семьи, какую бы форму они ни имели, не могли существовать изолированно. Объединение в группы было условием выживания, успешного приспособления к окружающей среде и залогом безопасности.

Парные семьи объединялись в группы и составляли общины. Общины были производственными коллективами, между членами которых существовал обычай взаимопомощи.

По мнению ряда исследователей (С.П. Толстов, М.О. Косвен, А.И. Першиц и др.), могут быть выделены разные этапы существования первобытных общин: ранний, развитый, поздний. Однако никаких убедительных доказательств для обоснования этих этапов не приведено и предлагаемая на их основе периодизация первобытного общества не может быть принята.

В условиях подвижного, или «бродячего» хозяйства и образа жизни возникала локальная общественная организация. В зависимости от «урожайности» года на дичь и растительную пищу в локальные группы могло объединяться значительное число семей. В плохие для охоты и собирательства годы численность локальных групп сокращалась, так как при недостатке пищевых ресурсов многочисленной общине приходилось бы непрерывно переходить с места на место. Таким образом, численность и состав локальных групп постоянно менялись.

Локальные группы бытовали у многих малых тропических народов, существовавших бродячей охотой и собирательством (у кубу и тоала Индонезии, у аэта Филиппин, у веддов Шри Ланки и многих других).

Иные формы общественной организации возникали в условиях относительно оседлой жизни, когда складывалась т. н. родовая организация из людей, считавших себя родственниками.

В отечественной литературе, вслед за Л.Г. Морганом и Ф. Энгельсом, было принято считать, что первой социальной ячейкой был род. Однако свидетельства о роде, как элементе общественной организации, зачастую основывались на этнографических данных, относящихся к Новому и Новейшему времени и поэтому едва ли безоговорочно пригодных для реконструкции древнейшей общественной организации. Новейшие наблюдения говорят о том, что институт, называемый родом, существовал, в зависимости от хозяйственнокультурного типа, в разных формах и был не одним явлением, а разными социальными структурами. К тому же, приписываемые роду признаки частично сходны с другими элементами общественной организации, как то племя. Это наличие общей территории, некоторые сходные виды разделения труда. В зависимости от большей или меньшей подвижности, оседлости общества структура и функции родовой организации могли достаточно сильно различаться.

Можно полагать, что, в зависимости от хозяйственно-культурных условий, существовали разные виды общественной организации, условно называемые родом. Единственным универсальным для рода институтом была экзогамия — категорический запрет брачных или внебрачных отношений между полами в одном роде. Нарушение этого запрета, как свидетельствуют этнографические данные, влекло за собой самое суровое наказание, вплоть до лишения жизни или изгнания из рода, что было равносильно смерти.

В связи с родом и обычаем экзогамии в литературе отмечается наличие такой общественной структуры, как дуальная фратриальная организация (фратрия — братство).

Суть дуальной экзогамии в том, что в условиях жесткой экзогамии брачными партнерами могут становиться только члены какой-то другой родовой (или иной) группы. Известны две разновидности (локальности) брачного партнерства: материнская и отцовская. При материнской локальности муж приходит в род жены. При отцовской — жена приходит в род мужа. Соответственно, возникает и линейность — то есть принадлежность к

общественной организации. При материнской линейности дети получают родовую принадлежность и имя по матери. При отцовской линейности дети принадлежат к общественной группе отца.

Дуальная экзогамия не ограничивается брачными контактами только между двумя группами. Их может быть значительно больше, но в каждом случае в основе связей лежат брачные отношения между двумя группами.

Основа дуальной фратриальности — экзогамия. По поводу этого общественного института, его происхождения и значения высказано множество предположений. Так, в первой половине XX в. получила распространение гипотеза, что экзогамия вызвана-де соперничеством между мужчинами за обладание женщинами. Следствием были постоянные ссоры, драки, угрожавшие здоровью и жизни членов социальной группы, что вносило хаос в коллективную деятельность по добыванию жизненных благ и создавало опасность существованию социальной группы. Подтверждением этой гипотезы ее сторонники считали найденный археологами мужской череп с проникающим отверстием. Они полагали, что это опасное ранение было нанесено в драке из-за женщин. Другая гипотеза гласит, что дети, выросшие вместе, в одном коллективе, став взрослыми, не испытывают влечения друг к другу, или что близкородственные браки могут дать болезненное потомство. Что до последнего предположения, то и современный человек, не имеющий специального образования, едва ли может объяснить, что происходит при близкородственных браках. Тем более это было недоступно для нашего дикого предка.

Высказывалось также мнение, что экзогамия — это разрушение, в процессе сложения парной семьи и брака, существовавшей ранее общественной структуры и установление устойчивых семейных связей через брак «извне». Предполагалось также, что экзогамия была вызвана необходимостью включения в родственную группу всех мужчин, то есть, переходом от гаремной группы к парной семье. Однако эта гипотеза не имеет прочного фактического обоснования, а что касается гаремной семьи, то это лишь частный случай, а не общее явление.

Универсальность экзогамии, как явления, указывает на ее жизненную важность для первобытных коллективов. Можно предположить, что причина ее возникновения — в необходимости установления постоянных связей между разными коллективами. Ибо в первобытности, как, впрочем, и в более позднее время, существовал только один путь налаживания дружеских социальных связей между чужаками — посредством установления взаимных брачных отношений. Запрет на вступление в брак или во внебрачные отношения в рамках каждого коллектива служил средством достижения этой цели.

Дальнейшей эволюцией общественной организации первобытного общества стало возникновение племен. Когда и почему возникла племенная общественная организация, точно сказать трудно. Во всяком случае, у большинства первобытных народов, независимо от того, жили ли они родами или локальными группами, существовали объединения в более крупные, племенные структуры (напр., австралийцы, кубу Суматры и многие другие). Очевидно, племенные структуры возникали по мере численного роста населения, для преодоления соперничества за пользование территориями, решения проблемы расширения брачных связей в условиях существования экзогамии и др.

К основным признакам племенной организации относится пользование или владение определенной территорией, более или (чаще) менее стройная структура, возглавляемая советом старейшин и вождем племени. Пока общество сохраняло племенную структуру, оно было первобытным. И только его разложение и возникновение централизованной государственной структуры порождало цивилизацию.

Общественная организация подвижных кочевых скотоводов-номадов — особый случай. Уже само возникновение номадизма означало разложение первобытнообщинных отношений и складывание социально дифференцированного общества. Однако уровень

имущественного и социального расслоения у кочевников, по ряду причин, оставался ограниченным и не привел к выделению сословий и возникновению монополии на средства производства и государства. От рубежа 2-го и 1-го тыс. до н. э., когда возник нomaдизм, и до настоящего времени кочевые скотоводы сохраняют общинно-племенную общественную организацию и общинно-кочевые общественные отношения, нередко называемые — применительно к кочевникам неудачно — классовыми.

Общинно-племенная структура — единственно возможная форма общественной организации в условиях непостоянных условий жизни кочевников, частых военных столкновений и специфики кочевого скотоводства. Вся история кочевых народов состоит из миграций, войн и распада и возникновения племен.

Основой общественной организации нomaдов была большая или малая семья и кочевая община, в которую входили более или менее родственные семьи. Кочевые общины составляли разные уровни племенной организации, имевшей вид разветвленного генеалогического дерева. Формально все семьи, входившие в племя, считались родственными. Однако уже между несколькими общинами это «родство» могло носить лишь легендарный, вымышленный характер. Дело в том, что, когда, вследствие миграций и военных поражений, племена рассеивались на мелкие семейные или общинные группы, возможность вновь сплотиться в более крупные, достаточно сильные для защиты от врагов, структуры приобретала для них жизненно важное значение. И такие объединения возникали — из остатков самых различных племен. Небольшие и слабые группки кочевников объединялись вокруг более крупной и сильной. Но так как единственным видом общественных связей у кочевых скотоводов могло быть только родство, все, кто присоединялся, возводили свою генеалогию к предку (обычно также мифическому) нового ядра формирующегося племени. Так между семьями и кочевыми общинами возникало фиктивное «родство», связывавшее все объединившиеся семьи и общины.

С кочевниками связана еще одна ступень общественной организации — объединение (союз) племен. Однако не все исследователи (напр., С.П. Толстов) разделяют эту точку зрения, требующую дополнительного обоснования.

Высшей формой общественной организации у нomaдов были т. н. кочевые империи, создававшиеся крупными завоевателями. Они включали завоеванные государства, где сохранялись традиционные для них социальные отношения, и кочевую периферию. Кочевые империи не имели общего экономического базиса и неизбежно распадались. А у кочевников, составлявших при завоевателе военную силу в виде ополчения (даже при десятичной структуре организации войска, введенной Чингиз ханом), сохранялась общинно-племенная структура.

Многие кочевые народы, оседая на землю и переходя к земледелию, сохраняли и свою традиционную общинно-племенную структуру (арабы, туркмены и многие другие).

Одним из элементов общественной организации земледельческих и кочевых народов в первобытное время являются возрастные классы, или возрастная система. Возрастные группы объединяются не по родству, а по возрасту. Такого рода объединения или их следы обнаружены у многих народов мира: в Африке, Австралии, на Новой Гвинее, у некоторых групп американских индейцев. В науке нет окончательного мнения о древности института возрастных классов и его универсальности. Можно предположить, что возник он в очень отдаленные времена и был достаточно распространен. Кстати, возрастная градация, хотя и не в виде общественного института, существует и в наши дни (детский сад — школа — высшее учебное заведение — работа — армия и т. п.).

Классическим примером возрастных классов считается система гада, распространенная (особенно в прошлом, но в какой-то мере и в наше время) у восточноафриканских народов: оромо, нуэров, консо, масаев и некоторых др.

В качестве примера можно привести орото, у которых издавна сложилась система возрастных классов — от ступени новорожденного до пожилого человека. Возрастные ступени исчисляются, как считает К.П. Калиновская, по т. н. социальному возрасту группы сверстников, непосредственно не связанному с биологическим возрастом.

По наблюдениям этнологов конца XIX в., система гада выглядела примерно следующим образом.

С момента рождения человек оказывался — вместе со сверстниками вплоть до примерно 8 лет — на первой ступени этой системы. Через 8 лет наступала вторая ступень, продолжавшаяся до 16-летнего возраста. В это время мальчики считались младшими воинами. Символом перехода группы из одной ступени в другую через каждые 8 лет служил обряд высаживания дерева далла (*Podocarpus*), которое также живет 8 лет и умирает после цветения. Третья ступень — старшие воины, возраст которых от 16 до 24 лет. Они уже могли жениться, но еще не имели права иметь детей. Четвертую ступень — возраст от 24 до 32 лет — образовывали предводители племенной группы, хранители символов власти; из их числа избирались главы вооруженных отрядов. Пятая, последняя, ступень системы гада образовывала совет старейшин, хранителей традиций и законов обычного права. Их называют группой «ритуальных отцов».

Духовная культура

Реконструировать формы и проявления духовной культуры в первобытном обществе чрезвычайно сложно из-за недостатка фактов. Сведений о многих сторонах духовной культуры далекого прошлого не могут дать ни археология, ни иные источники. Многие ее элементы вообще невозможно восстановить. Исключение составляют, пожалуй, изобразительное искусство и отчасти религиозные верования, о которых можно составить некоторое представление по лепным изделиям из глины, кости, дерева и других материалов и особенно по настенным росписям в пещерах и на скалах, иногда поражающим совершенством исполнения.

Этнография располагает обширными данными о духовной культуре народов, сохранявших первобытные отношения до XVIII—XIX — начала XX вв. Однако было бы неправильно механически экстраполировать столь поздние сведения на глубокую древность. Этот прием позволяет высказать лишь предположения. О духовной культуре первобытных народов в описаниях этнографов речь пойдет в заключительной части книги.

Религиозные верования

Происхождение и историческое развитие религиозных верований — исключительно сложная и до сих пор во многом еще неясная область.

Прежде всего, необходимо разобраться с терминологией. В литературе можно встретить понятия «первобытные верования» и «первобытная религия», их часто смешивают. В принципе оба они имеют одинаковую основу. И верования, и религия основываются на вере (*Credo*) в «потусторонние высшие силы» и в возможность каким-то образом вступать с ними в контакт, обращаться к ним с просьбами. Но между первобытными верованиями и религиями есть и существенные различия.

Религиозные верования в условиях первобытности существуют как индивидуальные явления или распространены среди ограниченных по численности социальных общностей (общин, племен). Эти верования отражают духовные и практические потребности жизни в условиях определенного хозяйственно-культурного типа. С его изменением многие элементы верований могут меняться. Время возникновения верований, очевидно, относится к эпохе возникновения человека современного вида. Впрочем, нельзя исключить и что те или иные зачатки верований появились еще у малоизвестного нам «раннего человека», непосредственного предка *Homo sapiens*.

Религии же представляют собой формы общественного сознания, складывающиеся по мере возникновения цивилизаций и государств как национальная идеология или идеология адептов новых религий.

Религии основываются на устном или письменном каноне, установившемся обряде и символе веры. Более подробно говорить о содержании и истории религии здесь нет необходимости, так как эти вопросы далеко выходят за пределы задач изучения первобытного общества и составляют предмет религиоведения.

Попытки выяснить причины возникновения первобытных верований, проследить их эволюцию, классифицировать и установить периодизацию породили обширную литературу и самые разнообразные гипотезы.

Долгое время возникновение религий и религиозных верований пытались объяснить при помощи концепции о божественном откровении, еще и теперь имеющей своих сторонников.

Ей противостоит подход, основанный на постулате о беззащитности, бессилии первобытного человека перед природой. Суть его в том, что человек стал искать опоры на сверхъестественные силы из страха перед силами природы и страха смерти. Однако такое объяснение представляется недостаточным. Прежде всего, о «бессилии». Судя по этнографическим наблюдениям над первобытными и полупервобытными обитателями тропических лесов и гор, они вовсе не бессильны и не воспринимают природу как враждебное начало. Они ощущают себя органической частью ее. Охотники и собиратели хорошо приспособлены к окружающей среде. Поэтому для возникновения верований требовались какие-то дополнительные побудительные мотивы. Они могли быть связаны с наследственной особенностью — ошибочно оценивать причинно-следственные связи, что ведет к ошибочным умозаключениям.

Эту особенность люди унаследовали от животных предков. Примером может служить поведение собаки в определенной ситуации. Если в одном и том же месте собака неоднократно сталкивалась с дурным обращением без вины с ее стороны, она станет это место избегать. Связь неприятностей именно с этим местом закрепится у нее в виде условного рефлекса. Но это животное «суеверие» индивидуально. В человеческой же среде оно может превратиться в социальное явление, верование.

Точно так же, особенно в экстремальных ситуациях, как война, экзамены и т. п., возникают суеверия, получающие в некоторых случаях социальное распространение в виде более или менее распространенной веры. И что очень существенно, если религия может быть исторически преходящей, то суеверия возникают и будут возникать всегда.

Наши отдаленные предки, несомненно, в еще большей мере, чем мы, люди нашего времени, были склонны к ложным умозаключениям, порожденным ошибочным пониманием причинно-следственных связей типа *post hoc — ergo hoc*¹. При стихийных и других бедствиях, каких-либо иных обстоятельствах те или иных действия или бездействие чисто случайно якобы помогли им избежать опасности, достичь желаемой цели. Так могло родиться суеверие. Оно могло остаться индивидуальным, а могло под действием тех или иных причин «социализироваться», закрепиться в коллективной памяти, стать достоянием коллектива, как верование.

Данная гипотеза не исключает и других объяснений возникновения религиозных верований. Выдвигались предположения, что основой религиозных верований были анимистические представления об одушевленности всего и вся. Их сменила гипотеза о существовании еще более ранней формы религии — «преанимизма». Известны попытки обнаружить первоначальную веру в единого бога-творца (первобытный прамоотеизм).

Особенно спорными представляются многие научные выводы, связанные с попытками классификации и периодизации религиозных верований. Прежде всего, следует отметить, что характер верований непосредственно связан с хозяйственно-культурным типом. Поэтому

одно и то же верование выглядит по-разному у охотников-собирателей, рыболовов, ранних земледельцев и др.

В научной литературе часто принято выделять отдельные виды верований в качестве самостоятельных явлений, иногда даже стоящих эволюционно на разных ступенях исторического развития. Существуют и разные мнения относительно числа известных «самостоятельных» верований.

Перечислить предлагавшиеся в связи с этими проблемами гипотезы вследствие их многочисленности совершенно невозможно. Отмечу только, что в свое время К.Ф. Вольней выделял «стадии» в 13 «системах» развития первобытных религиозных верований. Дж. Леббок в качестве верований называл атеизм, фетишизм, тотемизм, шаманизм, идолопоклонство, почитание богов.

Лео Фробеннус, Томас Ахелис и ряд других ученых предлагали классифицировать верования по географическому или этническому признакам. В. Шмидт подразделял все верования и религии на моно- и политеистические и высказал предположение, что первоначально верования были монотеистическими и только позднее, вплоть до возникновения монотеистического христианства, стали политеистическими — гипотеза первобытного прамотеизма.

Известный историк первобытного общества и религиовед Дж. Фрэзер полагал, что начальным первобытным верованием был анимизм (вера в духов и всеобщую одушевленность, в возможность общения человека с духовными нематериальными сущностями), что стало основой довольно популярной в свое время анимистической теории. Однако со временем она была подвергнута критике и взамен нее получила распространение теория преанимизма, предполагавшая существование верований более ранних и более примитивных, чем анимизм.

Эмиль Дюркгейм первоначальную форму верований усматривал в тотемизме. Некоторые авторы первичным верованием считали фетишизм (поклонение неодушевленным предметам, которым приписывались магические свойства), магию (совокупность обрядов и действий, связанных с верой в возможность повлиять на таинственные силы и с их помощью — на окружающую действительность).

Еще во времена энциклопедистов появилось воззрение, согласно которому первоначально вообще не было религиозных представлений и существовала «безрелигиозная» эпоха. Сложную систематику верований из 13 позиций предлагал С.А. Токарев, основываясь на принципах морфологической классификации. Религиозными верованиями он называет тотемизм, ведовство, знахарство, эротические обряды и культы, погребальный культ, раннеплеменной культ (инициации), промысловый культ, материнско-родовой культ святынь и покровителей, патриархальный семейно-родовой культ предков, шаманизм, культ тайных союзов, культ вождей, культ племенного бога, аграрные культы, магию, анимизм.

Рассматривать критически взгляды, высказывавшиеся по поводу происхождения и эволюции религиозных верований, нет необходимости. Замечу только, что нельзя согласиться с предположениями о существовании первоначальной «безрелигиозной» эпохи. Эта гипотеза не подтверждается наблюдениями над духовной жизнью даже наиболее примитивных по культуре «бродячих» охотников и собирателей, а также противоречит высказанному выше предположению об одной из причин возникновения религиозных верований вследствие неверной оценки причинно-следственных связей.

Уже говорилось, что в любом веровании и религии присутствуют элементы магии. Магические представления о возможности сверхъестественным путем, при помощи определенных действий или бездействия (соблюдения табу — запретов), достичь желаемых результатов лежат в основе религиозных верований вообще. Магические обряды, связанные с охотой, хорошо известны по пещерной живописи. Она изображает животных, на которых

древние люди собирались охотиться; некоторые изображения помечены пятнышками красной или желтой охры. Это следы от ударов окрашенных дротиков, «кровь», символизирующая поражение животного в предстоящей охоте, что должно было принести людям удачу.

Все перечисляемые в литературе действительные или предполагаемые верования составляют единый магический комплекс. Его облик и специфика (т. н. анимистические, магические, тотемические и пр. народы) возникают как отражение условий существующего хозяйственно-культурного типа. Чисто гипотетически можно предположить, что тотемические верования наиболее характерны для обществ с преобладающей ролью охоты. Давний спор о существовании тотемизма разрешил — видимо, удачно — Ю.И. Семенов. Он предположил, что это верование позволяло сохранять единство группы посредством установления общего родства из поколения в поколение от общего предка-тотема. Иногда полагают, что анимистические верования наиболее характерны для обществ, у которых важнейшим способом добывания пищи было собирательство.

Впоследствии практически все элементы верований вошли в религии, возникавшие у древних земледельцев и кочевников. Так, в христианстве магические обряды нашли отражение в таинстве крещения и причащения, в молитве, символе креста и многом другом. По всей видимости, то же самое можно сказать об анимизме и других верованиях.

Едва ли можно проследить эволюцию каждого отдельно взятого верования и их комплекса в целом. Очевидно, все основные верования начали складываться более или менее одновременно, и если в них имели место изменения, то, скорее всего, это происходило под влиянием более высоких культур. Магию часто смешивают с колдовством, возникшим по мере развития цивилизаций. Однако между двумя этими явлениями существует значительное различие. Магия исходит из представления о безличной потусторонней силе, на которую можно тем или иным образом повлиять. Колдовство заимствовало из религий идею злого духа, которого можно заставить себе служить при помощи магического обряда.

Как отдельное, самостоятельное верование обычно рассматривают шаманизм. Если говорить в самом общем виде, то его характеризуют магические и анимистические верования в соединении с представлением о двух мирах — нижнем и верхнем, а также с верой в возможность шамана выступать посредником между людьми и высшими силами. Для шаманизма обязательен обряд камлания, во время которого шаман при помощи того или иного средства приводит себя в состояние экстаза, транса. Это могут быть различные опьяняющие вещества (напр., настой мухомора), кружение в пляске, сопровождаемое ударами в бубен. У впавшего в транс шамана идет пена изо рта, могут быть судороги. Он выкрикивает фразы на непонятном языке. Считается, что он общается с духами и что духи могут исполнить то или иное желание шамана, например, исцелить больного. Здесь магический, по сути дела, обряд связан со значительно более сложным комплексом представлений, чем в случае рассмотренных выше примитивных магических и анимистических верований. Из этого можно сделать вывод, что шаманизм возник и бытовал не на ранних этапах истории первобытного общества, а уже в пору его разложения. Не исключено также, что возникновение шаманизма было в той или иной мере обусловлено внешним влиянием религий сложившихся цивилизаций на более древние примитивные верования.

В последние десятилетия, скорее всего, под влиянием американской культурной антропологии, высказываются мнения не только о наибольшей древности шаманизма, по сравнению с прочими верованиями, но и о его универсальности. Так, древнейшему культу шаманства достаточно часто приписывают наскальные изображения, редко поддающиеся датировке. Увлечение в таком виде шаманизмом захватило и Европу и продолжается также в наше время. Однако мнение о древности и универсальности шаманизма нуждается в более

основательных доказательствах. Что касается пещерной живописи, то она, как уже говорилось, скорее свидетельствует о магическом, а не шаманском действии.

Подытоживая сказанное, заметим, что, по-видимому, описанный выше комплекс религиозных верований в том или ином виде складывался по мере возникновения человека современного вида и, таким образом, существовал изначально.

Язык

Естественный фонетический язык — важнейшее средство социального общения между людьми. Язык неразрывно связан с мышлением и служит социальным средством хранения и передачи ненаследственной информации, одним из средств управления человеческим поведением. За последние 200 лет ученые, используя сравнительно-исторический метод, достигли больших результатов в исследовании лингвистических законов и языков мира. Языки мира различаются фонетическими особенностями, строением, грамматическим строем и словарным составом. Вместе с тем, для всех для них свойственны и некоторые общие закономерности, системная организация языка. Языки развиваются во времени, распадаются на диалекты или сливаются из диалектов. Огромное количество языков прекратило свое существование вместе с исчезновением говоривших на них этносов, став мертвыми языками. Другие — продолжали развиваться вместе со своими народами-носителями и, хоть и в измененном виде, дошли до наших дней. По очень приблизительным подсчетам, в настоящее время на земном шаре существует около 6500 языков и большое число диалектов.

Диалект — это говор, или наречие, разновидность языка, на котором говорит относительно небольшая группа людей, обитающая на общей территории или связанная социальной или профессиональной общностью.

Языки, как и диалекты, бывают письменные и бесписьменные. Диалекты имеют письменность значительно реже, чем языки.

Сравнительно-историческое языкознание изучает происхождение языков, их признаки и особенности. Языки классифицируются по языковым семьям, в которые включаются языки, родственные по происхождению, но не обязательно имеющие сходство между собой в существующем виде. По словам известного лингвиста Антуана Мейе, два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше.

Предполагают, что языковые семьи развивались и разделялись на отдельные языки и группы семей из гипотетического языка-основы, который состоял из родственных диалектов. По мере исторического развития, территориального расхождения этносов, говоривших на диалектах языка-основы, происходили изменения в диалектах, становившихся самостоятельными языками и ветвями языковой семьи.

Лингвисты распределили большинство современных языков по семьям и ветвям. Но есть языки, которые по тем или иным причинам не удается отнести к какой-либо семье. Делались попытки выявить «над-семьи», существовавшие в глубокой древности, еще в эпоху первобытности, из которых развились языковые семьи. Такова гипотетическая макросемья ностратических языков, в которую включают ряд языковых семей и языков Лфрики и Евразии: языки индоевропейские, семитские, урало-алтайские, тунгусские, корейский, дравидские.

Значительно меньше известно о времени и обстоятельствах возникновения языков, что объясняется невозможностью получения свидетельств о столь давних процессах. Есть основания полагать, что возникновение речи совпадает с антропогенезом. Однако, с каким именно его этапом, сказать трудно. Одни ученые считают, что зачатками речи обладали уже тупиковые или далее эволюционировавшие виды археоантропов и палеоантропов, другие связывают возникновение речи с формированием человека современного вида — неоантропа. Вторая точка зрения представляется более правдоподобной: ведь если бы

неандерталец уже обладал речью, то едва ли он остановился на пути культурного развития уже в начале своей длительной, двухсоттысячелетней истории. Скорее всего, именно зачатки речи, возникшие у раннего неантропа, стали одной из важнейших движущих сил его социального и культурного развития до уровня человека разумного. Когда это произошло: 40—50 тыс., 100 тыс. лет назад или еще раньше, — можно будет установить только после получения более достоверных данных о происхождении *Homo sapiens sapiens*.

Письменность

Изобретение и распространение письменности по своему значению стоит в ряду важнейших открытий человечества. Как знаковая система фиксации речи и социального опыта письменность позволила закреплять их во времени и передавать на расстояния. Со времени древнейших, еще полупервобытных, цивилизаций и до наших дней вся эволюция культуры, экономики и науки неразрывно связана с письменностью, заменившей по большей части устную традицию.

Наблюдения над бесписьменными народами — охотниками и собирателями дают основание для предположения, что необходимость в передаче людьми тех или иных сведений друг Другу возникла уже на ранних этапах формирования человека современного вида и его социальной трудовой деятельности. Скажем, для указания пути преследования добычи охотник обламывал определенным способом ветку. Очевидно, могла существовать целая система символических действий, связанная с передачей информации. Ту же функцию выполняло «узелковое» письмо, перуанские счетные шнуры, которые этнографы наблюдали у бесписьменных народов.

Более сложным способом передачи информации стало изобретенное еще в неолите пиктографическое письмо, отображавшее передаваемое сообщение при помощи рисунка. Пиктография (лат. *pictus* — нарисованный и греч. *grapho* — пишу) еще не была в полном смысле слова письменностью. Она отображала только общее содержание и последовательность сообщения, которое хотели передать, но не сам язык.

По мере возникновения производящего хозяйства и развертывания неолитической революции такие примитивные средства передачи сообщений перестали удовлетворять потребности людей. Уже во времена раннеземледельческих поселений новые формы разделения труда, развитие экономических и юридических отношений требовали более совершенных способов передачи информации.

Наиболее ранние попытки создать такого рода способ связаны с изобретением идеографического письма (греч. *idea* — идея, образ), возникшего на рубеже 4-го и 3-го тыс. до н. э. в Месопотамии (в Шумере). Вскоре, по мере возникновения государств и цивилизации, идеографическое письмо появилось в Древнем Египте, а затем и в других областях земли. В Шумере около 3000 г. до н. э. возникло клинописное письмо, заимствованное и приспособленное позднее для аккадского, эламского, хеттского, урартийского, ахеменидского и других языков.

На основе идеографического письма сложилось словесно-слоговое (идеографически-ребусное) египетское иероглифическое письмо. Иероглифы использовали для письма некоторые народы Хеттского государства. Наибольшего развития идеографическое письмо получило в середине 2-го тыс. до н. э. в китайской иероглифике.

Дальнейшими этапами в развитии письма стали силлабическое (слоговое) письмо и, наконец, буквенно-звуковое (алфавитное) письмо, изобретенное, насколько известно, в Финикии. Финикийский алфавит стал основой практически для всех остальных алфавитов.

Скульптура и керамика

К духовной культуре прямое отношение имеют находки глиняной, деревянной и костяной скульптуры, позволяющие, с одной стороны, судить о духовных представлениях, а с другой — об эстетических запросах.

Уже простые зарубки или линии, прорезанные на деревянных и костяных изделиях, свидетельствуют о стремлении таким образом передать какую-то информацию, а возможно, и о желании украсить вещь.

Скульптурные изображения «палеолитических Венер» и другие фигурки, настенные росписи — прямые свидетельства не только художественного творчества, но и существовавших верований и представлений об окружающем мире, космосе.

Существует много предположений об орнаментации керамики, форме сосудов. Несомненно, придавая сосуду ту или иную форму, люди руководствовались представлениями о красоте, которые становились традицией для данной культуры.

Особенно много написано об орнаментации. Уже древнейшая керамика (как и стены и потолки зданий) часто покрывалась примитивным линейным орнаментом. Со временем он усложнялся, вплоть до возникновения зооморфных и антропоморфных мотивов. Рисунки на керамике отражали религиозные и мифологические представления. Смена народа и культуры обычно приводила к изменению формы сосудов и их орнаментации. В других случаях монохромные росписи сменяли полихромные или же возникали культуры, изготавливавшие керамику без росписи.

Специалисты по-разному понимают значение ямочно-гребенчатого декора древней керамики. Одни из них полагают, что такой орнамент связан с эстетическими представлениями, другие усматривают в нем глубокий семантический смысл и отражение верований.

Народные знания

Разумеется, говорить о науке применительно ко времени первобытности едва ли можно. Однако зачатки научных знаний стали закладываться уже на заре человеческой истории. Научное знание изначально имело две цели: во-первых, познание человеком окружающей природы, ее условий, сил и законов, и, во-вторых, постижение им его собственного «я», а также сути взаимоотношений между людьми в первобытном коллективе, со своими соседями.

Возникновение общества и социальных отношений неизбежно требовало осознания таких категорий, как мера и число. Судя по наблюдениям этнографов над многими небольшими лесными народами бразильских тропиков, при всей примитивности их знаний, они все же имели определенное представление о счете. Правда, в их языке часто обнаруживались словесные выражения только для одного и двух. В доколониальное время парный счет существовал у некоторых народов Полинезии, например, в Новой Зеландии. Известны также небольшие группы охотников и собирателей, умевшие считать до шести. Достаточно распространены случаи, связанные с использованием «природной счетной машины» — пальцев рук и ног. Можно полагать, что и древнейшие представители человека современного вида обладали такими же математическими познаниями. Известны древние календари, более точные, чем те, какими мы пользуемся в настоящее время («ацтекский календарь», календарь майя). Время их создания относится, однако, уже к эпохе цивилизации. Но, несомненно, что они создавались на основе каких-то более древних, быть может, уходящих в первобытное прошлое знаний.

В позднем палеолите Франции существовали достаточно сложные приемы счета и его фиксации, известные по археологическим находкам раскрашенных галек с нанесенными черточками и более сложными группами изображений. Предполагают, что немалыми астрономическими знаниями обладали неолитические создатели дольменов. Достаточно точные представления о календаре, временах года и сельскохозяйственных работ имели создатели древних земледельческих поселений. Высказано предположение, что некоторые из наскальных композиций, обнаруженных в разных частях света, служили примитивными географическими картами. Некоторые народы, как то североамериканские индейцы, рисовали карты на песке, древесной коре, гладких дощечках, камнях. Такие карты служили

указателями дороги, использовались во время вооруженных столкновений. Возможно, что еще до возникновения цивилизации отдельные народы были хорошо знакомы со звездным небом и обладали рядом сведений по астрономии.

Археологические находки свидетельствуют также об определенных медицинских познаниях первобытных народов, знавших, например, приемы трепанации черепа. Впрочем, в первобытности (да и не только в первобытности) медицина всегда сочеталась с магическими обрядовыми действиями.

Образовательные функции выполняли т. н. мужские школы. Уже в раннем возрасте мальчики переходили от родителей в «мужские дома» или в часть дома, предназначенную для их воспитания и подготовки к инициациям под руководством уважаемых людей старшего возраста. В этих общинных «университетах» молодые люди получали навыки ведения хозяйственной деятельности, изготовления орудий труда и оружия. Знакомились с тайными «знаниями» и верованиями.

Орнамент и цвет

К области духовной культуры могут быть отнесены также восприятие и отражение первобытным человеком орнамента и цвета.

Выше уже говорилось об орнаментации керамических сосудов обитателями степных, пустынных и лесных областей и создателями раннеземледельческих поселений. Первые изготавливали сосуды либо вообще неорнаментированные, либо украшенные рельефным ямочно-ребенчатый, точечным или волнистым рельефным орнаментом и никогда не расписывали их красками.

Узор — «елочный», линейный, а также точечный рисунок — наносился костяной или деревянной палочкой. Использовался также «ребенчатый» штамп. В зависимости от традиции, а также древности культуры, орнамент мог наноситься на весь сосуд или только на какие-то отдельные его части.

Существуют различные гипотезы о семантике орнаментации. Одни исследователи считают, что рельефный орнамент имел только декоративное значение, другие усматривают в нем ритуально-символический смысл. Так, волнистая линия могла означать воду, змею, женщину. Разные предположения высказаны относительно семантики «елочного», точечного и других видов орнамента. Для ее раскрытия привлекались аналогии из этнографического материала по разным народам, чья культура еще не достигла уровня цивилизации. Однако однозначного ответа найти пока не удалось. Можно предположить, что богато орнаментированные сосуды имели ритуальное назначение, тогда как кухонная керамика обычно не имела орнаментации.

По всей видимости, ряд признаков керамических изделий, как то форма и орнаментация сосудов, имеет прямую связь с культурными традициями, исторической эпохой и, возможно, с условиями среды обитания.

Сказания и мифы

Предполагают, что сказания и мифы начали зарождаться в первобытных коллективах людей современного вида одновременно с их возникновением. Некоторые исследователи полагают, что способностями мифологизировать окружающее и передавать сказания обладали уже неандертальцы, однако эта точка зрения вызывает сильные сомнения. Существо мифологии состояло в устных преданиях о первобытных верованиях и культах, фантастических представлениях об окружающем мире, происхождении животных и людей, мире живых и мертвых, о духах, демонах, героях.

Сказания — устные повествования о легендарных событиях, предания, составляющие часть фольклора.

Достоверно установить, каковы были мифы и сказания у наших древнейших предков, едва ли возможно. Однако филологический анализ более позднего фольклора, известного из сказаний создателей древних цивилизаций и из этнографических данных о народах,

сохранявших в той или иной мере элементы первобытных представлений, позволяет, хотя и гипотетически, выявить древнейшие элементы, восходящие к первобытной эпохе.

Искусство

Одним из бесспорных признаков, характерных для человека современного вида, — очевидно, со времени его становления — выступает, наряду с языком, искусство. Археология располагает обширными данными о наличии изобразительного искусства уже в позднем палеолите, у наиболее ранних из известных представителей человека современного вида. Многочисленные находки пещерной живописи, изображающей сцены охоты, людей и зверей, отражают религиозные магические верования древних людей. С культовыми представлениями по большей части связана и глиняная пластика, особенно женские фигурки с подчеркнутыми физическими признаками, служившие, как полагают, магическими символами плодородия. Однако первобытное изобразительное искусство не ограничивалось религиозной символикой, но выполняло также эстетическую функцию (орнаментация изделий из глины, кости и дерева). Отпечаток художественных наклонностей первобытных людей несут на себе также многие изделия из камня (кремня, нефрита, обсидиана и др.): наконечники для стрел и копий, фигурки людей и животных; иные из них имеют выраженный ювелирный облик. С возникновением раннеземледельческих поселений получила распространение орнаментация стен, потолков, а иногда и полов домов простейшими геометрическими орнаментальными рисунками. Со временем они усложнялись, появились антропоморфные, зооморфные, сложные геометрические и растительные изображения.

Стремление к эстетике, впрочем, нередко связанное с религиозными представлениями, проявлялось в украшении одежды (например, у палеолитического мальчика из Костенок), в сложных прическах, в орнаментации лица и тела цветными красителями, в нанесении татуировки, рубцов и т. п.

Пожалуй, к универсальным элементам духовной культуры принадлежат музыка и танцы. Они в значительной мере связаны с ритуальными религиозными действиями. Но в них, несомненно, присутствуют и эстетические и развлекательные моменты.

Музыкой у первобытных народов обычно служат ритмы, получаемые при помощи «музыкальной доски». Чаще всего это полый обрубок дерева, издающий очень громкий звук при ударах по нему палкой. Такие доски известны почти у всех первобытных народов Азии, Австралии, Океании, Африки и Южной Америки. Музыкальными и сигнальными инструментами нередко служили барабаны, трещотки, раковины, свистульки, реже щипковые инструменты. Танцы, нередко сопровождаемые пением, — обязательный ритуал при инициациях, свадьбах, обрядах, связанных с культом мертвых, перед военными походами, охотой, рыбной ловлей и при других важных событиях в жизни. У австралийцев в качестве музыкального инструмента часто используются два бумеранга, которыми ударяют один о другой.

В духовной жизни некоторых народов музыка и танцы занимают очень высокое место. Так, у одного из племен Индонезии имеется бог танцев — киссар. Существуют танцы индивидуальные и групповые, мужские и женские. Бывают племенные и семейные танцы, считающиеся священными.

Перед танцами тело раскрашивали, нередко употребляли наркотические вещества. Было обычным использование масок.

2. ГЛОССАРИЙ

Австралопитеки – группа ископаемых высших приматов, род семейства человеческих (гоминид).

Авнуклат – совокупность порядков, предполагающих связь человека с его дядей по матери.

Авнуклокальность – брачное поселение супругов у дяди по матери, или в его группе.

Анимизм – вера в сверхъестественные существа, заключенные в материальные тела (души), или существующие сами по себе (духи), вера в одушевлённость всей природы.

Антропогенез – часть биологической эволюции, которая привела к появлению человека разумного (*Homo sapiens*), отделившегося от прочих гоминид, человекообразных обезьян и плацентарных млекопитающих, процесс историко-эволюционного формирования физического типа человека, первоначального развития его трудовой деятельности, речи.

Антропология – совокупность научных дисциплин, занимающихся изучением человека, его происхождения, развития, существования в природной (естественной) и культурной (искусственной) средах. В Советском Союзе антропология понималась как наука о происхождении и эволюции человека и его рас, то есть, как физическая антропология.

Антропоморфный – человекообразный.

Антропосоциогенез – параллельный процесс возникновения человека и человеческого общества.

Аполитейные общества – первобытные общества, существовавшие до возникновения первых цивилизаций.

Артефакт – любой предмет не природного, а искусственного происхождения.

Архантроп – древнейший человек, человек прямоходящий (*Homo erectus*), непосредственный предшественник современного человека (*Homo sapiens*).

Билинейность – определение родства как по отцовской, так и по материнской линии.

Билокальность – брачное поселение супругов поочередно как в группе мужа, так и в группе жены.

Биогеоценоз – система, включающая сообщество живых организмов и тесно связанную с ним совокупность факторов условий обитания в пределах одной территории, связанные между собой круговоротом веществ и потоком энергии.

Вирилокальность (патрилокальность) – брачное поселение супругов у мужа, в группе мужа.

Геронтицид – умерщвление стариков.

Геронтократия – власть старейшин.

Гинекократия – господство женщины в семье и обществе.

Глоттохронология – метод датировки по лексическим изменениям в языке.

Гиминиды – семейство наиболее прогрессивных приматов, включающее в том числе и людей.

Гиминины – подсемейство гоминид, к которому относят человека разумного (*Homo sapiens*).

Гомо примигениус (*Homo primigenius*) – человек первородный.

Гомо сапиенс (*Homo sapiens*) – человек разумный.

Гомо хабилис (*Homo habilis*) – человек умелый.

Гомо эректус (*Homo erectus*) – человек прямоходящий.

Дендрохронология – метод датировки по годичным кольцам деревьев.

Дислокальность – раздельное поселение супругов.

Доместикация – одомашнение животных.

Дриопитеки – род вымерших антропоморфных приматов, известный по ряду остатков, найденных в Восточной Африке и Евразии.

Дуальная организация – взаимобрачная организация двух родов, или позднее *фратрий*. В широком смысле – двоичная организация общества.

Идеография – вид письменности, знаки которой (идеограммы) обозначают некоторую идею, понятие.

Иероглифы – название письменного знака в некоторых системах письма. Иероглифы могут означать как отдельные звуки и слоги, так и морфемы, целые слова и понятия (идеограммы).

Инициация – обряд, знаменующий переход индивидуума на новую ступень развития в рамках какой-либо социальной группы или общества. Обычно – обряд приобщения подростков к категории взрослых.

Инфантицид – умерщвление детей.

Когнатное родство – родство как по отцовской, так и по материнской линии, «кровное» родство.

Кросскузенный брак – брак с дочерью брата матери, или дочерью сестры отца.

Кувада – обычай демонстрации отцом своей причастности к рождению ребёнка.

Левират – брачный обычай, свойственный многим народам на стадии патриархально-родового строя, по которому вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь – с его братьями.

Линидж – внутриродовая группа близких родственников, ведущих происхождение от памятного предка.

Локомоция – перемещение животных (в том числе человека) в пространстве.

Магия – вера в возможность особыми, необычными способами воздействовать на окружающее и связанные с этим действия.

Матриархат – господство женщины в семье и обществе; матриархат как исторический этап в развитии общества отрицается большинством современных исследователей.

Матрилинейность – счет родства по линии матери.

Матрилокальность – брачное поселение супругов в группе жены.

Мегалиты – постройки из каменных глыб, блоков. Менгир – одиночный каменный блок.

Мезолит – средний каменный век – период между палеолитом и неолитом.

Микролиты – мелкие каменные вкладыши в составе орудия.

Моногамия – единобрачие, историческая форма брака и семьи, при которой в брачном союзе находятся два представителя противоположных полов.

Нагуализм – вера в личных духов-покровителей.

Неоантроп – человек современного вида.

Неолит - новокаменный век, последняя стадия каменного века.

Ностратическая общность – реконструируемая первоначальная общность большинства языков Старого Света.

Ойкумена – заселённая человеком часть Земли.

Остеодентокератическая индустрия – преимущественное использование костей, зубов и рогов в качестве материала для поделок.

Остеология – раздел антропологии, изучает закономерности изменчивости скелета в зависимости от половых, расовых и возрастных особенностей и его морфологию.

Палеоантроп – древнейший человек.

Палеоантропология – раздел антропологии, изучающий ископаемых людей.

Палеолит – древнекаменный век, первый исторический период каменного века с начала использования каменных орудий гоминидами (около 2,5 млн лет назад) до появления у человека земледелия приблизительно в 10 тысячелетии до н. э.

Палеонтология – наука об ископаемых организмах.

Парантроп – ископаемая человекообразная обезьяна, близкая к австралопитекам.

Патриархат – господство мужчины в семье и обществе.

Патрилинейность – счет родства по линии отца.

Патрилокальность – брачное поселение супругов в группе мужа.

Петроглиф – изображение высеченное на каменной основе.

Пиктография – вид письменности, знаки которой (пиктограммы) обозначают изображённый ими объект.

Плезантроп – вид австралопитека.

Племя – социальная группа, общество, организованное на основе системы родства.

Полиандрия – форма полигамии, при которой женщина состоит в нескольких брачных союзах с разными мужчинами.

Полигамия – форма брака, при котором брачный партнёр одного пола имеет более одного брачного партнёра противоположного пола.

Полигиния – одна из исторических форм полигамного брака, при которой мужчина состоит одновременно в нескольких брачных союзах.

Потестарная организация – форма организации общественной власти в обществах, не имевших политических и государственных институтов, и атрибутов.

Пресapiенс – предшественник Homo sapiens человека разумного.

Приматы – один из наиболее прогрессивных отрядов плацентарных млекопитающих, включающий обезьян и человека.

Промискуитет – беспорядочная, ничем и никем не ограниченная половая связь со многими партнёрами; половые отношения в первобытном человеческом обществе до образования института семьи. Промискуитет как исторический этап в развитии общества отрицается большинством современных исследователей.

Род – одна из форм социальной организации. Представляет собой группу людей, возводящих своё происхождение к общему предку – основателю рода или родоначальнику – по одной (материнской либо отцовской) линии. Родоначальник необязательно был человеком, это мог быть мифический герой, божество и даже животное. Источники о родовой организации в первобытном обществе отсутствуют; она предполагается гипотетически.

Синполитейные общества – первобытные общества, сохранившиеся после возникновения первых цивилизаций.

Сорорат – брачный обычай, по которому мужчина вступает в брак одновременно или последовательно с несколькими родными или двоюродными сестрами жены. Позднее – с сестрой умершей жены.

Социогенез – процесс возникновения человеческого общества.

Топонимика – наука, изучающая географические названия.

Тотем – класс объектов или явлений природы, которому та или другая социальная группа, род, фратрия, племя, иногда даже каждый отдельный пол внутри группы

(Австралия), а иногда и индивид (Сев. Америка) – оказывают специальное поклонение, с которым считают себя родственно связанным и по имени которого себя называют.

Тотемизм – вера в существование тесной связи с тотемом.

Уксорилокальность – брачное поселение супругов у жены.

Фетишизм – религиозное поклонение материальным предметам – фетишам, которым приписываются сверхъестественные свойства.

Фратрия – экзогамная группа родственных родов, вступающая в брачные отношения с другими фратриями. Дуальная организация из двух фратрий составляла племя. Главной функцией дуально-фратриальной организации было регулирование брачных отношений.

Халколит – то же что и энеолит (см.).

Эгалитарное общество – первобытное общество, еще не затронутое процессами социального и имущественного расслоения.

Экзогамия – запрет брачных отношений между членами родственного (род, фратрия) или локального (например, община) коллектива.

Эндогамия – норма, предписывающая заключение брака в пределах определённой социальной или этнической группы.

Энеолит – эпоха в развитии человечества, переходный период от неолита (каменного века) к бронзовому веку.

3. ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

3.1. Задание 1 (к разделу История первобытного общества как историческая дисциплина)

1. Когда завершилась первобытная эпоха истории человечества?

- а) 10 тыс. лет назад;
- б) с зарождением первых цивилизаций и государственности;
- в) с началом неолитической революции;
- г) с заселением Homo sapiens Европы.

2. Какие источники являются основными для изучения первобытной истории?

- а) данные этнологии;
- б) данные антропологии;
- в) данные археологии;
- г) сведения античных писателей.

3. Кто из учёных создал первую научную периодизацию истории первобытного общества?

- а) Л. Г. Морган;
- б) Ч. Дарвин;
- в) И. Я. Баховен;
- г) Г. де Мортилье.

4. Укажите лишний метод установления абсолютной хронологии:

- а) радиоуглеродный;
- б) палеомагнитный;
- в) дендрохронологический;
- г) археологический (на основании изменений орудийного материала);
- д) датирование по ленточным глинам.

5. Периодизация первобытной истории на основе выделения исторических форм общины оспаривается учёными по причине:

- а) недостаточности данных об истории общины;

- б) по причине того, что община не является наиболее фундаментальным институтом общества;
- в) неопределенности в исторической науке и этнологии понятия «род»;
- г) по всем 3-м перечисленным причинам.

6. Почему археологическая периодизация не может претендовать на роль универсальной периодизации первобытной истории?

- а) по причине несоответствия датировок элементов археологической периодизации для разных регионов, заселённых человеком;
- б) по причине неодинаковости комплексов и предметов материальной культуры, относимых к конкретному археологическому этапу;
- в) по причине сочетания двух вышеназванных факторов;
- г) по причине недостаточности археологических находок.

7. Укажите верную последовательность этапов археологической периодизации:

- а) поздний палеолит, ранний палеолит, неолит, мезолит, халколит, бронзовый век, железный век;
- б) мезолит, палеолит, неолит, халколит, бронзовый век, железный век;
- в) неолит, палеолит, мезолит, бронзовый век, халколит, железный век;
- г) палеолит, мезолит, неолит, халколит, бронзовый век, железный век;
- д) палеолит, неолит, мезолит, халколит, бронзовый век, железный век.

Ключ:

1-б, 2-в, 3-а, 4-г, 5-г, 6-в, 7-г

3.2. Задание 2 (к разделу Введение в антропогенез)

1. Назовите основные причины эволюции:

- а) генетические мутации;
- б) естественный отбор;
- в) масштабные экологические изменения;
- г) все перечисленные.

2. Верен ли тезис, что «современный человек произошёл от обезьяны»?

- а) да, человек произошёл от человекообразных обезьян;
- б) нет, у человека и обезьян были общие дальние предки;
- в) да, верен;
- г) нет, человек произошёл от австралопитека.

3. Большинство антропологов считают, что первым представителем гоминид, обладавшим способностью передвигаться на двух ногах был:

- а) проконсул;
- б) Австралопитек африканский;
- в) Австралопитек афарский («Люси»);
- г) презинджантроп.

4. Укажите правильную последовательность обнаружения учёными важнейших антропологических находок:

- а) неандерталец, питекантроп, австралопитек, Человек умелый;
- б) австралопитек, Человек умелый, питекантроп, неандерталец;
- в) питекантроп, неандерталец, Человек умелый, австралопитек;
- г) Человек умелый, неандерталец, питекантроп, австралопитек.

5. Какие из ископаемых гоминидов не относятся к Человеку прямоходящему?

- а) архантроп;
- б) питекантроп;
- в) синантроп;
- г) палеоантроп.

6. Можно ли считать неандертальца предком современного человека?

- а) нет, это тупиковый вид;
- б) да, ранние неандертальцы – это предки современного человека;
- в) да, неандертальцы делали совершенные орудия труда;
- г) да, неандертальцы обладали интеллектом и речью.

7. Укажите причины происхождения Homo sapiens:

- а) экстремальные экологические условия, совершенствование орудий труда;
- б) экстремальные экологические условия, способность распространять приобретённый опыт социально;
- в) способность к абстрактному мышлению, совершенствование орудий труда;
- г) экстремальные экологические условия, способность к абстрактному мышлению.

Ключ:

1-г, 2-б, 3-в, 4-а, 5-г, 6-а, 7-б

3.3. Задание 3 (к разделу Первобытное хозяйство и материальная культура)

1. Какая форма разделения труда не характерна для примитивных обществ:

- а) по полу и возрасту;
- б) между ранними земледельцами и скотоводами;
- в) между рядовыми членами общества, военными и гражданскими предводителями, жрецами;
- г) между охотниками и собирателями.

2. Основными способами добычи средств существования у палеоантропов были:

- а) примитивная охота и собирательство;
- б) рыболовство;
- в) облавная охота;
- г) только собирательство.

3. Укажите техническое новшество, появившееся в раннем палеолите:

- а) ударная ретушь;
- б) сверление;
- в) шлифование;
- г) контрударная ретушь.

4. Укажите наименее верную теорию происхождения одежды:

- а) необходимостью защиты тела;
- б) из-за чувства стыдливости;
- в) в связи с ритуально-эстетическими потребностями;
- г) из-за климатических факторов.

5. Что стало причиной развития новых форм хозяйства и материальной культуры в мезолитическое время:

- а) миграции населения;
- б) климатические изменения;
- в) вымирание крупных животных;
- г) все названные факторы в комплексе.

6. Лук и стрелы были изобретены:

- а) в период позднего палеолита;
- б) в период мезолита;
- в) в период раннего палеолита;
- г) в период неолита.

7. Самые ранние центры производящего хозяйства появились:

- а) в Северной Африке;
- б) в предгорьях Передней и Средней Азии;
- в) на Южном Урале;
- г) в зоне умеренного климатического пояса.

8. Развитый неолит отличается от раннего неолита:

- а) появлением керамики;
- б) появлением элементов производящего хозяйства;
- в) утверждением производящего хозяйства и его распространением;
- г) совокупностью факторов а. и в.

Ключ:

1-в, 2-а, 3-г, 4-б, 5-г, 6-а, 7-б, 8-г

3.4. Задание 4 (к разделу Ранние земледельцы)

1. Какая форма земледелия является самой ранней:

- а) ирригационная;
- б) подсечно-огневая;
- в) лиманная;
- г) плужная.

2. Укажите важнейший фактор неолитической революции:

- а) изобретение керамики;
- б) возникновение производящего хозяйства;
- в) возникновение металлургии;
- г) приобретение производящими отраслями хозяйства характера ведущих видов хозяйственной деятельности.

3. Почему животноводство не стало универсальной формой производящего хозяйства?

- а) земледелие давало больше продукта;
- б) из-за недостатка корма для выпасных животных;
- в) из-за болезней поголовья скота;
- г) из-за климатических изменений.

4. Укажите технологический приём, который не относится к керамическому производству:

- а) сыродутный обжиг;
- б) ангобирование;
- в) лощение;
- г) налеп.

5. Укажите древнейший материал, используемый в ткачестве:

- а) хлопок;
- б) лён;
- в) шёлк;
- г) шерсть.

6. Производство оловянистых бронз было освоено в период:

- а) 7-6 тыс. до н.э.;
- б) 6-5 тыс. до н.э.;
- в) 5-4 тыс. до н.э.;
- г) 3-2 тыс. до н.э.

7. Потребность в керамике возникла как следствие:

- а) необходимости в прочных сосудах;
- б) необходимости в более совершенном приготовлении пищи;
- в) увеличения в рационе растительных продуктов;
- г) всех 3-х названных факторов.

Ключ:

1-в, 2-г, 3-б, 4-а, 5-б, 6-г, 7-г

КУРСОВАЯ РАБОТА: ТРЕБОВАНИЯ И ТЕМАТИКА

Курсовая работа – самостоятельное научное исследование актуальной проблемы.

Курсовая работа должна соответствовать следующим требованиям:

- 1) быть выполненной на достаточном теоретическом уровне, с опорой только на исторические источники, специальную научную литературу, исключая литературу учебной и публицистической направленности;
- 2) основываться на результатах самостоятельного исследования;
- 3) быть оформленной по стандарту и выполненной в указанные сроки.

Работа над курсовой работой включает следующие этапы:

- 1) выбор темы исследования и разработка плана (совместно с преподавателем);
- 2) анализ и обобщение собранного материала;
- 3) изложение самостоятельных выводов;
- 4) надлежащее оформление библиографического материала;
- 5) рецензирование проекта курсовой работы научным руководителем, в случае необходимости – его окончательная доработка.

Курсовая работа по истории должна включать в себя следующие части:

I. Введение (примерно 10 % от объема всей работы). В этой части обосновывается актуальность изучаемой проблемы, прописываются объект и предмет всего исследования, цель и задачи работы; определяются хронологические и территориальные рамки работы; оговариваются методы, используемые в исследовании. Вводная часть должна обязательно содержать обзор исторических источников и анализ степени разработанности проблемы исследования.

II. Основная часть. Основная часть должна состоять не более чем из трех глав. Главы могут подразделяться на параграфы. Содержание глав и параграфов должно строго соответствовать задачам, заявленным во Введении курсовой работы. Основная часть курсовой работы должна представлять самостоятельное аналитическое изложение материала, а не являться компиляцией исследований других авторов. Текст курсовой работы проверяется научным руководителем на плагиат и заимствования.

III. Заключение. Заключение представляет собой выводы по проблеме исследования, ответы на поставленные во Введении задачи.

IV. Список источников и исследований.

V. Приложение.

Критерии оценки курсовой работы

По результатам защиты курсовая работа оценивается зачётом с оценкой «отлично», «хорошо», «удовлетворительно» или «неудовлетворительно». Оценка вносится в ведомость и ставится на первую страницу самой работы за подписью членов комиссии.

Оценка «отлично» ставится, если:

- работа носит самостоятельный и творческий характер, содержит новые наблюдения и выводы;

- тема курсовой работы раскрыта с необходимой полнотой и доказательностью;

- работа отличается логичностью и чётким структурированием материала;

- в работе соблюдены требования к техническому оформлению работы;

- в процессе защиты курсовой работы студент демонстрирует высокую степень аргументированности, чёткости и последовательности изложения, свободную ориентацию в материале при ответах на вопросы.

Оценка «хорошо» ставится, если:

- работа носит самостоятельный и творческий характер лишь частично, содержит убедительные выводы;

- тема курсовой работы раскрыта с необходимой полнотой и доказательностью, но в работе встречаются отдельные неточности;

- работа отличается логичностью и чётким структурированием материала;

- в работе в целом соблюдены требования к техническому оформлению работы;

- в процессе защиты курсовой работы студент достаточно уверенно защищает выдвигаемые им выводы, но допускает при этом несущественные неточности.

Оценка «удовлетворительно» ставится, если:

- работа лишь частично носит самостоятельный характер, не содержит убедительных выводов;

- тема курсовой работы раскрыта с недостаточной полнотой и слабой доказательностью;

- в работе встречаются нарушения логики изложения и структурирования материала;

- в работе нарушаются требования к техническому оформлению работы;

- в процессе защиты курсовой работы студент неуверенно защищает выдвигаемые им выводы, допускает при этом существенные неточности, поверхностно, с затруднениями ориентируется в материале при ответах на вопросы.

Оценка «неудовлетворительно» ставится, если:

- работа носит несамостоятельный характер и скомпилирована, в том числе с использованием сети Интернет или других источников информации;

- тема курсовой работы не раскрыта;

- в работе отсутствует логика изложения и структурирования материала;

- нарушаются требования к техническому оформлению текста работы;

- в процессе защиты курсовой работы студент не может обосновать выдвигаемые им выводы, не ориентируется в материале при ответах на вопросы.

Примерная тематика курсовых работ по истории первобытного общества

1. Теоретические проблемы антропогенеза.
2. Антропологические открытия рубежа XX – XXI веков.
3. Проблемы реконструкции первобытной истории.
4. Хозяйственная деятельность в период палеолита.
5. Хозяйственная деятельность в период мезолита.

6. Неолитическая революция. Современная историография вопроса.
7. Палеолитическое искусство. К постановке проблемы.
8. Искусство мезолита.
9. Неолитическое искусство.
10. Характеристика археологических культур с элементами раннего производящего хозяйства.
11. Homo sapiens. Современный этап изучения.
12. Культурная антропология и история первобытного общества.

СПИСОК УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

1. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 2007.
2. Марков А. Эволюция человека. Книга первая. М., 2011.
3. Марков Г.Е. Первобытное общество. М., 2009.
4. Семёнов Ю.И. Как возникло человечество. М., 2002.

Дополнительная

1. Бутовская М.Л., Файнберг А.А. У истоков человеческого общества. М., 1993.
2. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.
3. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
4. История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988.
5. Кремо М., Томпсон Р. Неизвестная история человечества. М., 2001.
6. Ламберт Д. Доисторический человек. Кембриджский путеводитель. Л., 1991.
7. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.
8. Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
9. Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980.
10. Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.

Учебное текстовое электронное издание

Попов Максим Васильевич

ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Учебно-методическое пособие

0,73 Мб

1 электрон. опт. диск

г. Магнитогорск, 2015 год

ФГБОУ ВПО «МГТУ»

Адрес: 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск,
пр. Ленина 38

ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»

Кафедра всеобщей истории

Центр электронных образовательных ресурсов и
дистанционных образовательных технологий

e-mail: ceor_dot@mail.ru